

НАШИ ТАМ

АДМИРАЛ

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН
ПО ПРОЗВИЩУ
АДМИРАЛ

Владимир Геннадьевич Поселягин
По прозвищу Адмирал
Серия «Адмирал», книга 3
Серия «Наши там (Центрполиграф)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30485061

По прозвищу Адмирал: роман. / Поселягин В.Г.: Центрполиграф;

Москва; 2018

ISBN 978-5-227-08084-4

Аннотация

Тыл, напрягая все свои силы, ведёт работу. Запускаются заводы, эвакуированные на Урал, по железным дорогам новая боевая техника направляется на фронт. Однако есть ещё один путь, речной, и речники взвалили на свои плечи не меньший груз ответственности по доставкам необходимых материалов. Теперь и у Сашки появится дело, ведь скоро открывается навигация...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

97

Владимир Поселягин

По прозвищу Адмирал

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

Оформление художника Павла Ильина

Прошло восемь дней, но с того памятного вечера в Кремле, где произошло награждение фронтовиков и тружеников тыла (я себя больше причислял к последним), никаких подвижек не было. Я с удовольствием занимался делами, давно махнув рукой на радио, куда меня так и не приглашали, а так как, как обмолвился товарищ Сталин, небольшое кустарное производство глушителей для оружия его очень заинтересовало, то на нас вышли уже на следующий день. Люди наркома Берии. И вот я уже неделю помогаю деду налаживать под их патронажем производство, которое было организовано на участке моей усадьбы, больно уж удобно вести там работу.

Был комсомольский набор, и у нас появилось шесть доб-

револьверов от четырнадцати до шестнадцати лет: пять девушек, три из них были из местного ПТУ, и один крепкий паренёк. Он в основном грузчиком работал. Дядя Стёпа, тот раненый танкист-фронтовик, стал старшим мастером, а он действительно был со станками на ты. Одна из сокурсниц Тани, не отрываясь от учёбы, стала вести бухгалтерию на производстве. Так что дело пошло.

Естественно, глушители мы делали не поточно, а под конкретное оружие. Нам доставили пять ящиков с СВТ и наганы. Ещё обещали прислать ТТ с удлинённым стволом, но дальше обещаний дело пока не шло.

Мы накручивали на стволах резьбу и пробовали на милицейском стрельбище. Правда, из-за не очень хорошего качества резины – лучше просто не было – мембраны долго не продержатся, поэтому для винтовок было лимитировано количество выстрелов до тридцати, для револьверов и пистолетов – до пятидесяти, потом требовалось сменить мембраны. К каждому глушителю давался тройной запасной комплект. И три дня назад мы отправили часть винтовок и десять наганов на гос-испытание, после которого ждём крупный заказ.

Покинув производство, я зашёл в музыкальную школу, где мы с моим ансамблем в течение полутора часов прорепетировали несколько песен. Потом двинул к тому дому, где проживал. Там, натаскав воды в хату, подтопил печи, всё же зима на улице, минус двадцать. А теперь надо выполнить просьбу Димки обновить ледяную горку в огороде со спус-

ком на речку. Горка у нас была одной из самых лучших на улице. Все соседские детишки, что там скатывались, набрав скорость, проезжали почти триста метров, аж до противоположного берега. На горку я натаскал шесть вёдер воды. Там в пробитые ямки набил снег, сглаживая лопатой, и аккуратно залил всё. Завтра можно будет кататься, за ночь должно хорошо схватиться.

Закончив и укрывшись от ветра за корпусом баркаса, я смотрел на проделанную работу со стороны, придиричиво ища недоделки. Те места, где я подновлял, были хорошо видны белыми пятнами. Именно тут, у баркаса, возле левой подпорки меня и нашёл Лабухин.

– Доброго вечера, Константин Львович, меня ищите? – первым заметил я его, выходя из-за корпуса баркаса. Интересно, что ему нужно?

Сейчас четвёртый час, темнеет. Через час мы с моей музыкальной группой должны выступить в одном из госпиталей, и мне ещё нужно собраться, переодеться.

Ветер бросил в лицо колющий вихрь снега, отчего я поморщился и поднял меховой ворот тёплого пальто. К зиме я подготовился хорошо. У меня был ватник, вроде армейского, пальто для школы, тулуп для суровых морозов и потёртое старое пальто слегка не по размеру, в котором я сейчас и находился. Оно у меня было вместо рабочей зимней куртки и слегка укорочено для удобства. Немного повреждено, хоть и аккуратно заштопано, так что порвать его было не жаль.

По двору и по хозяйству я работал именно в нём.

– Здравствуй, Александр, – поздоровался сверху Лабухин, ища взглядом возможность спуститься.

Под снегом была деревянная лестница, но зимой она никому не нужна и её не чистили, а детишки, скатываясь с горы, в сторонке от неё прорубили себе лопатами в снегу ступени, им хватало. Но помредактора, видимо, их не заметил, поэтому предложил:

– Может, ты поднимешься?

Я подхватил оба пустых ведра и лопату и поднялся по ступеням. Поручковавшись, мы направились к дому. В сенях я разложил вещи по своим местам, и мы прошли в половину мамы, где в основном и царила жизнь. Мамы ещё не было, училась, бабушка кормила Киру кашей, и накидала нам на стол Марина. Лабухин взял стакан с горячим чаем и начал греть руки. Ну да, его пальто особо не греет. Может, оно и стильно выглядит, но скорее для осени или весны, но никак не для такой зимы.

Я сделал бутерброды из копчёного сала – мы с дедом недавно коптили – и стал есть, прихлёбывая чай. Когда гость отогрелся, то заговорил:

– Ну что, Александр, идём?

– Куда? – рассеянно откликнулся я, прожевав кусок бутерброда.

– На радио конечно же.

– А что мне там делать? – без особого интереса спросил я.

– Как что там делать?! Выступать.

– С какой это радости? – наконец выказал я эмоции, посмотрев на гостя. – Сами отказались от меня. А я за это время заполнил свободное время, его у меня нет. Через сорок минут у меня выступление в госпитале. Уже ждут.

– Подожди, Александр, ты серьёзно? – несколько растерянно поинтересовался тот, такого ответа он явно не ожидал.

Я же продолжал свою игру. То, что меня уговорят вернуться, понятно. Но вот так по-барски прийти, мол, возвращайся, мы тебя прощаем – это они зря. Мне ведь прямо сказали, что в моих услугах не нуждаются, от этого и будем отталкиваться, и на этом лёгком противостоянии я надеюсь что-нибудь поймать. Что, пока сам не знаю, но и просто хотел поставить их на место. Считайте это капризом, но бежать по первому их зову я не собирался. Да и реально у меня времени не было.

– Серьёзно, – спокойно ответил я. – Если раньше я был малоизвестен и такие выступления мне были нужны, чтобы продвинуть свои песни и остальное, то сейчас без надобности. Имя я себе сделал, меня все знают. Может, через пару лет и забудут, так я и не против. Стартовый толчок был, больше мне от вас ничего не нужно. Конечно, если бы вы сами не отказались от моих услуг, мы продолжили бы сотрудничество, но сейчас вряд ли. У меня слишком плотный график. Втиснуть в него ещё вас невозможно.

– А завтра?

– Занят, – был мой ответ. – Всю эту и следующую неделю тоже занят. Я спать прихожу домой пол-одиннадцатого. В школе приходится задерживаться на час-другой, потому что домашнее задание делать дома я просто не успеваю.

Марина, активно греющая уши у разделочного стола, только фыркнула. Ну да, тут я немного преувеличил, школьные задания мы выполняли дома с ней вместе вечерами. Она не знала, чего я добиваюсь, не посвящал в суть, поэтому понятно, что сейчас её с кухни метлой не выгонишь, пока не узнает, к чему я вообще веду этот разговор. Но Марину, к её большой досаде, окликнула бабушка из зала, где шло кормление моего младшего братишки, и она убежала.

– Александр, – мягко, как ребёнка, увещевал Лабухин, – это ведь не наше пожелание, а решение сверху. Его нужно выполнить, причём в короткие сроки.

– Не мои проблемы. Это вы попросили меня больше у вас не появляться. Сказано – сделано. Не думаю, что стоит и дальше переливать из пустого в порожнее, мне нужно собираться в госпиталь. До него полчаса бежать.

Гость не уходил, он прошёл со мной на мою половину и всё нудил о своём, пока я быстро переодевался. Свою гитару можно не брать, на таких концертах я использовал инструмент из музыкальной школы, её парни прихватят с собой. Так что, застегнув куртку, вместе с гостем покинул дом и, снова дав свой твёрдый отказ участвовать в ближайшее время в их делах, махнул рукой и побежал к речке. Нужно добы-

жать до госпиталя как можно быстрее, Лабухин своим приходом меня изрядно задержал.

На месте уже всё было готово, моя группа тихонько настраивала инструменты в актовом зале бывшей школы, куда начали стекаться раненые и медперсонал, так что я появился вовремя. А под конец концерта и мама подошла. Она у нас по программе последней выступала с двумя песнями. Обе из запретного списка.

Следующие два дня я был неуловим для помредактора и других посыльных с радио. Меня действительно сложно поймать, если только в школе или поздно вечером, когда я возвращался домой. Только эти два дня были выходными. В субботу – укороченный учебный день, а в воскресенье мы вообще не учились, и я спозаранку убежал по своим делам. А что меня ищут, узнавал от родственников или знакомых. Только не обращал внимания, дел действительно было столько, что присесть некогда. Это я будущие дни освобождал, уговорят же меня, вот и бросился на максимум дел, чтобы подосвободиться.

Поймали меня в понедельник в школе. Это была отчаянная попытка, ведь последний учебный день перед зимними школьными каникулами. Видимо, представив, что меня в эти дни вообще отловить будет невозможно, пустили вперёд тяжёлую артиллерию: приехал сам главный редактор, с которым мы успели за всё время сотрудничества неплохо сдру-

житься. Хороший дядька. И он меня всё же уломал на сегодняшнее вечернее выступление, мол, сверху уже не просто приказывают, а откровенно угрожают. Да и как иначе: в пятницу объявили, что вечером будет моё выступление, а тут раз — и отменили, и всё, молчок. Приказ сверху спущен, так извольте выполнять, иначе на сотрудников обрушатся все те кары, о которых они только слышали. Так что дирекция радио была поставлена в такие условия, что не выполнить приказ просто не могла, и сегодня был тот самый крайний срок, что ей дали. Как в утешение сообщил мне главред, чиновник, который спустил приказ гнать меня ко всем чертям и запретить мои выступления, наказан. Правда, как именно, главный редактор был не в курсе, но больше палки в колёса тот ставить мне не будет. Зато он знал, из-за чего чиновник проявил ко мне такое неприятие. Да тот самый «мэтр» попросил, они родственниками были, чиновник и нажал на все доступные рычаги. Вот ему, похоже, за это по рукам и надавали. Чудо будет, если он вообще на своём месте усидит.

Вот так мы ударили по рукам, договорившись о времени, когда я подойду со своими музыкантами, выступить с ними было моим условием. Более того, сверху спустили приказ: цензуры нет, и заранее прослушивать нас, как ранее, не будут. Такое уже было, и тот опыт был удачным. Слушателям нравилось. О списке запрещённых песен главный редактор уже знал, как и то, что теперь им дали ход, хоть и в единственном исполнении. Раз сказали, прозвучит только едино-

жды, значит, так и будет.

Главред уехал на машине с водителем, а я после уроков побежал по своим, предупредить, чтобы готовились к вечернему выступлению. Это мне привычно вещать на весь Союз, а некоторые сразу стали мандражировать, пришлось успокаивать. Но, надеюсь, не сфальшивят. Маму я застал дома во время кормления Кирилла, тут повезло, обещала быть на месте к нужному часу, сразу после своих уроков подойдёт. Ну и сам я занялся подготовкой и другими делами.

Москва. Улица Тверская. Здание Всесоюзного радио

*Пять месяцев спустя. 6 мая 1942 года.
20 часов 37 минут*

—...Мне пора заканчивать сегодняшнее выступление. По уже сложившейся за эти месяцы традиции завершаем мы передачу исполнением песен из запрещённого списка. Однако сегодня будет исполнено не две, как обычно, а пять. В прошлую передачу я об этом уже говорил, как и перечислял названия песен. Да, мне приходит множество писем от разных граждан нашей необъятной страны, и я всё же вернусь к этому вопросу, хотя ответил на него ещё в первую и вторую передачи после долгого перерыва. Несмотря на ваши многочисленные просьбы убрать понравившиеся песни из запрещённого списка, сделав их доступными, этого никто не сде-

лает. В прошлом году в декабре на награждении в Кремле я смог поговорить с товарищем Сталиным и коснулся этой темы. Выслушал он меня внимательно и лишь развёл руками, сообщив, что он не специалист в этом вопросе, и если компетентные товарищи из соответствующих организаций запретили их исполнение, любое, то он ничего сделать не может, не такой товарищ Сталин и всесильный, как некоторые думают. Именно так он мне и ответил. Тогда я поинтересовался у товарища Сталина, нельзя ли исполнить их хотя бы один раз, мне действительно обидно, что эти песни ушли в чёрный список, в архив. И вот после недолгого размышления товарищ Сталин решил мне помочь, тут он уже мог поспособствовать. С тех пор и сложилась такая традиция. Передачи у меня раз в неделю, и исполнители, которых я подбираю для выступлений сам, исполняют по две песни. Насчёт же того, чтобы снять с этих песен запрет, мне соответствующие товарищи ответили твёрдо: никто изменять решений не будет. Поэтому, если кто не слышал эти песни, не успел к приёмнику, я сожалею, услышать их ещё раз никому не будет дано. Ну а так как сегодня заключительный день – на лето я прекращаю выступления, – то и будет исполнено шесть песен.

Диктор, с которым мы за это время хорошо спелись и понимали друг друга по движению или мимике, кивнул и перехватил слово:

– Да-да, вы не ослышались, дорогие товарищи радиослушатели: Александр хоть и школьник, но человек ответственный.

ный и вступил в Гражданский речной флот, он будет доставлять грузы по рекам. И завтра судно, на котором Александр будет нести службу до конца навигации, покидает порт.

– На речфлот я завербовался давно. Осенью надеюсь вернуться с новыми впечатлениями и новыми юмористическими рассказами для передач. А сейчас – первая пара заключительных весёлых песен. Одна называется «Гадалка». По названию, думаю, вы догадались, о ком она. Вторая – больше мои фантазии. Такие песни уже звучали, поэтому наши дорогие радиослушатели, полагаю, понимают, о чём я. Называется она «В синем море, в белой пене». Исполнять начнут именно с неё, музыканты уже готовятся, но прежде, чем начать, я опишу, как она мне пришла на ум, иначе вы можете не понять суть этой песни. Как вы помните, я часто делаю это. Так вот, как-то мне попалась книга о приключениях пиратов, и в ней описывались сирены, такие мифические существа. Они сидят на скалах, принимают вид прекрасных дев и поют такие чарующие песни, что моряки не выдерживают, прыгают за борт и плывут к ним. Ни один не доплыл, все утонули, но суть, я думаю, вы уловили. Говорят, моряки, когда проплывают мимо этих скал сирен, затыкают уши, чтобы не слышать их песен. А один моряк попросил привязать его к мачте, чтобы услышать. Так он канаты чуть не порвал, едва не вырвался. Конечно же я не мог не заинтересоваться, что же такое поют сирены, что матросы теряют голову. А так как я читал эту книгу на ночь, то под впечатлением от про-

читанного мне приснился такой сон: представьте белоснежный пассажирский пароход, у борта стоит мальчишка моего возраста в матросском костюме, и вдруг он слышит такие слова...

Отстранившись от микрофона, я кивнул, и зазвучала песня, а мама стала подпевать.

Ла-ла-лэ-ла ла-ла-ла-ла-ла-лэй

В море ветер, в море буря,
В море воют ураганы,
В синем море тонут лодки
И большие корабли, ха-ха-ха.
Корабли на дно уходят
С якорями, с парусами,
На морской песок роняя Золотые сундуки,
Золотые сундуки.

Корабли лежат разбиты,
Сундуки стоят раскрыты,
Изумруды и рубины осыпаются на дно.
Если хочешь быть богатым,
Если хочешь быть счастливым,
Оставайся, мальчик, с нами —
Будешь нашим королём,
Будешь нашим королём.

Ла-ла-ла ла-ла-ла ла-ла-ла-лэ-ла-ла-ла...¹

Когда эта песня смолкла, к маме присоединилась Таня, и зазвучала «Гадалка». В последнее время я стал чаще привлекать Таню к подобным выступлениям, да и в исполнениях на пару песни только выигрывали.

Ежедневно меняется мода,
Но покуда стоит белый свет,
У цыганки со старой колодой
Хоть один да найдётся клиент.
В ожиданье чудес невозможных
Постучится хоть кто-нибудь к ней,
И раскинет она, и разложит
Благородных своих королей.

Ну, что сказать, ну, что сказать,
Устроены так люди,
Желают знать, желают знать,
Желают знать, что будет.
Что сказать, ну, что сказать,
Устроены так люди,
Желают знать, желают знать,
Желают знать, что будет...²

Многие сотрудники Всесоюзного радио также отмечали,

¹ Песня группы «Чи-Ли».

² Слова Л. Дербенёва.

что не понимают странного запрета на многие песни. А они звучали, пусть не по радио, а на улицах или просто из уст бродячих артистов и музыкальных коллективов, что выступали в разных местах. Правда, было их не так много, война. Но те, кто мог их исполнять, исполняли, на это я и надеялся, дальше те сами уйдут в массы, распространяться. Главное, чтобы они слышали, как эти песни звучат ПРАВИЛЬНО.

Когда последние аккорды «Гадалки» стихли, мама и Таня покинули студию – мама заторопилась домой: ей Киру кормить нужно, а Таня – в больницу: у неё смена, я же, вернувшись к микрофону, продолжил передачу:

– Наши уважаемые радиослушатели в курсе, что обычно в передаче песни звучат по жанрам. Когда военные, когда лирические, о любви, грустные или вот такие весёлые. Сегодня все пять песен будут именно весёлыми. Две следующие песни я буду исполнять лично, и вторая из них, «Белые розы», скорее лирическая. А первая – «Мужиков надо любить». Я немного пережму горло пальцами, чтобы изменить голос, так что не пугайтесь. Это для голоса, конечно, вредно, но исполнение разовое, так что переживём.

После этих двух песен я снова взял слово:

– Песня «Белые розы» сегодня прозвучит дважды. Она не попала в запрещённый список, и её можно было здесь не исполнять, но я решил это сделать и сейчас поясню причину. Дело в том, что мне пришла в голову неплохая, на мой взгляд, идея выпускать пластинки только с музыкой песен,

ставших известными застольными, как я надеюсь, куда включат и «Белые розы». Вместе с грампластинками в комплекте должны идти листы с текстами этих песен. Желаящие смогут по ним без ошибок спеть разные произведения. Не всегда на время разных семейных праздников, тех же дней рождений, удаётся найти музыканта с инструментом, так что если имеется патефон, проблема будет решена. Ведь чем больше градус выпитого, тем сильнее тянет спеть, и это касается не только женщин. Идея мне пришла из-за отца, вот уж кто любит спеть во время таких гуляний! Слуха нет вообще, поёт так – уши отваливаются, но поёт. Испытывая муки это слушать, а наигрывал ему я, мне и пришла идея с грампластинками. Пусть поёт, я разве против, но подальше от меня, чтобы не резало мой слух. Такие грампластинки я назвал «музыка-караоке». Или просто – «караоке». Переводится это слово как «пустой оркестр» – развлечение, заключающееся в непрофессиональном пении с использованием музыкального устройства, позволяющего петь под заранее записанную музыку. С предложением выпускать подобные пластинки, оформленным как нужно, я пришёл в соответствующую организацию. Меня внимательно выслушали и наложили на эту идею запрет, категорический. Вот я и решил на деле продемонстрировать, что же это такое. В первый раз, как вы только что слышали, я исполнил «Белые розы» сам, чтобы вы знали, как песня должна звучать, и вот после меня её исполнит другой коллектив, солировать будут

трое: Игорь Панов, Егор Вольский и Евгений Андреев. Это их первое выступление, так что поддержим их, товарищи.

Отодвинувшись от микрофона, я кивнул, и парни начали. Правда, ещё до того, как зазвучал музыка, они разыграли целое представление, будто дело происходит не в студии, а, например, в каком-то доме, где празднуют день рождения. Пьяненькие голоса, поздравления, звон стаканов, льющаяся в стакан у микрофона вода, женский задорный смех. Сыграли хорошо. Улыбаясь, я показал большие пальцы обеих рук, молча поаплодировал, не касаясь ладонями друг друга.

– Егор, давай заводи гармонику. Крути ручку, – подвыпившим голосом велел Игорь.

– Что будем петь? – тут же поинтересовался тот.

– А давай нашу любимую.

Только теперь зазвучала мелодия, и ребята запели, причём во время исполнения также слышался женский смех, звон посуды и другие звуки. Копировали «Белые розы» так, как пела группа «Ленинград» в будущем. Главный редактор, слушая с остальными своими сотрудниками в дверях, тоже показал мне оба больших пальца, ему явно понравилась игра. Под конец, когда музыка стихла, Андреев, будто этого не замечая, продолжал душевно повторно выводить последний куплет, но его со смехом остановили остальные.

– Всё, Женька, куда разошёлся, кончилась музыка! Ему больше не наливать... Егор, ставь следующую...

На этом представление закончилось, и пока парни выхо-

дили из студии, многие слушатели из местных работников хлопали их по плечу. Сыграно было действительно великолепно и задорно. Я вернулся к микрофону:

– Ну а мы продолжим. Сейчас прозвучит пятая песня, заключительная. Исполнять её, в необычной манере, будут студенты Московского музыкального института Максим Творцов и мой тёзка Александр Пахмутов.

Пока они готовятся, я опишу, как она была написана. Называется песня «Яйца Фаберже». Она в списке запрещённых. Сама история, надо сказать, забавная и в чём-то поучительная. Начиналась она так. В прошлом году, ещё до войны, я привёз сестру в Москву учиться на врача. Она познакомилась с другими поступающими, и в свободное время они пошли в музей. Тот привёл её в полный восторг, и сестра подбила меня тоже сходить, описывая скульптуры и красоты, которые видела, в частности, яйца ювелира Фаберже. Это сейчас я знаю, что это ювелирные изделия вроде пасхальных яиц и действительно очень красивые, а тогда у меня сложилась такая параллель: ювелир Фаберже – его яйца в музее. Отрезал, что ли? Тут ещё сестра добавила: «Они так блестят...» Ну не знаю, у котов вон тоже блестят. А что, может и такое быть, мы русские вообще странные. Конечно же я загорелся немедленно идти в музей посмотреть на такую диковинку. Когда я вошёл в зал, где были выставлены яйца Фаберже, и увидел их, я так хохотал... Припоминая этот казус с недопониманием, я советую товарищам радиослушателям,

чтобы не попадать в просак, подробнее объяснять собеседникам что и как. Я вот теперь учёный. Когда я возвращался из Москвы к своим, то написал песню об этом случае. Таня, которая её конечно же слышала, почему-то посчитала, что в ней упомянута она, и потребовала больше её не исполнять. Но вот я не выдержал и решил, что её должны услышать все. Правда, сегодня ночевать домой лучше не возвращаться. У Тани крепкий кулачок и удар поставлен. Я это точно знаю, сам ставил. На борту судна переночую, а пока в рейсе буду, она отойдёт. На этом всё, я прощаюсь с вами дорогие радиослушатели до осени, и сейчас звучит эта, на мой взгляд, замечательная песня.

Я весьма приличный молодой блондин,
Я снимаю комнату совсем один.
Надо бы в столице отыскать друзей —
Я решил сходить в музей.

Там висят картины, статуи стоят,
Голые мужчины девушек пленят.
А на самом верхнем, пятом этаже
Я увидел яйца – яйца Фаберже...

Я вышел в коридор, где курил главный редактор. Слегка покачивая головой, чуть прикрыв глаза, он слушал песню. А певцы выкладывались. Почти полная копия исполнения её группой «Ногу свело», разве что музыкальные инструменты

не дотягивали до того уровня в будущем. Ну и текст я немного доработал.

Пройдя в комнату для отдыха, сам налил себе чаю и сел на старую софу, делая маленькие глотки. Руки чуть подрагивали. Это не нервы, это я мышцы рук перетрудил – мы сегодня с дедом днём устроили ходовые испытания моему буксиру, и сейчас тот стоял пришвартованным к нашему мостику.

Чуть позже и мои все здесь собрались. Где что лежит, все знали: не в первый раз тут, так что доставали печенья и разливали чай. Все были в радостном возбуждении после выступления. Всё, сезон отработали, теперь они сами, без меня будут выступать хотя бы пару раз в неделю в госпиталях, чтобы навык не терять, пока я буду отсутствовать. Мама – за старшую. Через два месяца учёба у неё закончится, и, надеюсь, времени у неё станет чуть больше, чтобы заняться нашей музыкальной командой, которую я собрал с бору по сосенке. Но коллектив действительно получился отличный, такая сыгранность... и мама это хорошо понимала, держалась за каждого. Хотя с Таней было немного сложнее: она и училась, и работала медсестрой, её повысили из санитарок, всё же на второй курс перешла.

Я провернул-таки задуманную аферу, хотя как раз аферы и не получилось. Сами всё дали. Зимой, когда немцы были близко от Москвы, мы с Таней пришли к главврачу больницы, где она трудилась вот уже больше полугода санитаркой, и попросили его написать ей характеристику для выделения

жилплощади. Тот кочевряжиться не стал, Таня у него была на хорошем счету, все сделал и взял граммпластинку с подписью, которую я вручил ему в качестве благодарности. Потом мы пошли в соответствующую организацию. Там я уже вручал пластинки сознательно, четыре ушло, и – вуаля: Тане выделили комнату в коммунальной квартире. Понимая, что отдельную квартиру ей не получить, я всё равно постарался выжать максимум из возможного, и результат был таков: Таня получила две комнаты в небольшой коммунальной квартире с тремя семьями, что там ещё жили. Вернее, одна жила, вторая была в эвакуации, третья выписана и пока новые не заселились. В общем, одна небольшая комната в восемь квадратных метров с узким окном стала Тане спальней, а вторая, двадцать два квадратных метра, – залой, из которой и был выход в общий коридор. Так что в конце января сестра уже сменила временную прописку на постоянную и переехала в свои комнаты, причём с подружками, с которыми у меня в доме жила. Если первое время небольшое производство их не особо беспокоило, то когда оно перешло на круглосуточную работу с пополнением рабочими и станковым парком, уже стало мешать.

Производство сейчас налажено как надо. Дед, готовясь к навигации, а одного он меня отпускать не хотел, тоже собирался на мир посмотреть, передавал все дела фронтовику-танкисту, который неплохо справлялся с обязанностями управляющего.

Готовили баркас мы всю весну, выделяя для этого время. Установили с помощью самодельного крана двигатель, пого-няли его. Вернули всю оснастку. Установили винты. Ну и ко-гда прошёл ледоход, спустили судно, провели испытания – ход был хорош.

А вчера прибежал посыльный от начальника порта: пора и нас пускать в дело, текучка по доставкам груза начала нава-ливаться, и тот вспомнил о резервном буксире. Нужно ута-щить порожнюю баржу к Горькому, забрать груз и вернуться. Что за груз, не знаю. И поэтому мы назначили сегодняшнее выступление на радио последним перед наступающим летом.

То, что меня вот так просто отпустили, это не мои интри-ги, а слово главного редактора. Когда он меня в прошлом году уговаривал вернуться, я поставил условие: летом я не выступаю, так как работаю. Тот возмущаться не стал, и мы ударили по рукам. Как ни странно, хотя я ожидал обратного, своё слово он сдержал, поговорил с кем нужно, и мне дали долгий летний отдых.

В остальном в принципе всё без изменений. Батя вою-ет. Три месяца он провёл в тылу, в Москве, на курсах ко-мандиров – вот мама рада была! – и выпустился младшим лейтенантом, после чего, вернувшись в свою дивизию, снова принял взвод снайперов, который комдив всё же сформиро-вал. Сейчас у отца, насколько я в курсе из его писем, уже тридцать шесть подтверждённых немцев, хотя он занимает-ся во взводе больше организаторскими вопросами, включая

снабжение. Редко удаётся выбраться на передовую. К ордену представили за немцев, но пока не получил.

Его дивизия уже была далеко от Москвы, не навестить, но батя оценил ценность писем и стал писать чаще. Кстати, через эту переписку я дал ему совет. Взять пару пристрелянных ПТР с хорошей кучностью, установить самые лучшие прицелы и сделать из этих противотанковых ружей противоснайперские. Одного выстрела, даже по касательной, хватит, чтобы вывести врага из строя, находясь при этом за пределами прицельной дальности выстрела немецких карабинов. Отец сразу же оценил эту идею и, пока учился в Москве, развил в свободное время бурную деятельность. Я ему помогал, поэтому уехал он обратно в часть с двумя ящиками, где находилось четыре пристрелянных ПТР с прицелами. Правда, через месяц отписал, что в дивизии такое ружьё осталось одно. Начальник снайперской школы фронта, узнав об этой инновации, приехал и, изучив ружья, два забрал, а третье ушло снайперам в корпус. Причём этот начальник школы дошёл до комфронта, который прочитал рапорт и дал добро, чтобы во всех частях его фронта были такие ружья. За ним и остальные командующие заинтересовались. Хотя ПТР ещё линейные части до конца не насытили, но тонкой струйкой уже заводские противоснайперские ружья стали поступать в войска. Вчера от отца пришло очередное письмо, в котором он сообщал, что получил одно на свой взвод. Правда, выделку не сравнить с теми нашими четырьмя штучной рабо-

ты лучших мастеров оружейного завода, но тоже вполне на уровне, уже успели испробовать, расстреляли противотанковую пушку, проредив расчёт. Щит тех не спас.

В общем, оценили противоснайперки быстро, успехи уже имеются, и немалые. Причём двое снайперов, которые и получили эту здоровенную длинную дуру первыми, несколько танков успели подбить и даже мессер свалить во время атаки ротных позиций. Правда, успехи в уничтожении вражеских снайперов у них куда как скромнее, всего один был, но подтверждённый. Бойцы ползали к нему, принесли изувеченную винтовку. Говорили, немца пулей на части разорвало. Так что отзывы из дивизии, а потом и из корпуса шли только положительные. Некоторые ушлые бойцы из пехоты свои противотанковые ружья модернизировали. Например, сняли уцелевший прицел с изувеченного немецкого карабина, хотя по инструкции их нужно было сдавать, и поставили на своё ружьё, увеличив точность выстрела.

Вот такие дела. Всё готово, завтра отплываем, а сейчас у нас прощальная вечеринка, в буфете уже всё накрыто.

– Лови конец, – велел дед рабочему у пристани в порту и бросил с бака тонкий моток верёвки.

Несмотря на вчерашнюю вечеринку с творческими людьми, чувствовал я себя отлично. На спиртное не налегал и ушёл одним из первых. А сегодня утром, ещё когда было темно, мы с дедом, прихватив двух лаек, с котомками, пол-

ными еды, в основном той, что долго хранится, прошли на борт и, отчалив под перестук мотора, направились к порту. Моя любимая военно-морская фуражка на голове, ушитый тельник, удобные ботинки, хотя я планировал летом босиком работать, брюки и два подогнанных рабочих комбинезона. Ну и пара комплектов нательного белья. Мне этого хватит. Не забыл я и свою охотничью винтовку, как и походный набор посуды с палаткой. Дед тоже собрался, надел свою красноармейскую форму, только вместо пилотки у него была старая морская фуражка гражданского флота, мой подарок. Из оружия – берданка и маузер в деревянной кобуре, тоже мой подарок. Но пистолет он не светил, слишком хорошее и дорогое оружие, могут отобрать, а на винтовку у него разрешение было, как и у меня.

Одно не учли. Димку. В общем, он плыл с нами. Собаки – ладно, дед был не против, могут пригодиться, как со мной было в немецком тылу, но мальчика куда брать? Тот, видимо, думал, что ему придётся долго ныть, и настроился на это дело, а тут, когда вчера спросил и, после моего недолгого размышления, получил согласие, изумился больше всех. Ну а что, пусть сходит с нами в Горький и обратно, а дальше видно будет. Сестрички тут же тоже запросились, но дед как рявкнул: «Бабы на судне к беде!» – те и затихли.

За сборами и делами как-то незаметно пролетели зима и весна. Участковый из Туапсе пару писем прислал: с моей усадьбой всё хорошо. Были бомбёжки, но далеко, участка не

коснулось.

Были изменения в мире. После того, как удалось большей частью спасти почти окружённые под Киевом войска, дела двигались живее. Да и Крым наполовину отстояли. Харьковской катастрофы не произошло, но наступление под Курском было неудачное. Точно не скажу, но вроде наши отступали. Видимо, немцы знали о планах советских военных и успели подготовиться. Надеюсь, той катастрофы в моей истории, когда фашисты дошли до Сталинграда, не случится. Немцев уже пробовали на зубок в этом году, когда удачно, когда нет, опыта маловато, но серьезных генеральных наступлений пока не было. Под Курском, как я понял, была репетиция. Неудачная.

За это время я отправил на имя Сталина три письма, всё инкогнито. Каждое последующее было тоньше предыдущих. Больше отправлять не буду: всё, что знал, выложил, выжав себя досуха. Вот и пусть используют эти знания. Это я об истории. Есть ещё многое о техническом прорыве по сравнению с этим временем – думаю пока, отправлять письма или нет. Ведь об оружии ничего такого я не отправлял. Только возможные выверты истории будущего, ну и полезные ископаемые. Думаю, всё же и техническую информацию стоит подать как надо. За время плавания, если будет время, займусь, писчие принадлежности и бумагу для черновиков взял.

Как только начал таять снег, я расконсервировал машину и активно ею пользовался, проблем с горючим не было –

мне дали разрешение заправляться в Кремлёвском гараже. Не ожидал, но приятно. Искренне благодарил тамошних сотрудников за обслуживание автомобиля. Помимо этого мне выдали разрешение начальника милиции города Москвы на управление легковым и грузовым автотранспортом, включая мототехнику. Так что проблем с вождением не было. Да, надо дать некоторую информацию по технике будущего, чтобы в тупиковые исследования по этим вопросам не заходили. Я, конечно, не специалист, но кое-что знал...

Пройдя несколько километров по реке от нашей небольшой лодочной пристани, мы подошли к причалу порта и пришвартовались. К сожалению, никто, кроме меня, не умел управлять баркасом. Дед-то ладно, научу, с той обширной практикой, что нас ждала в будущем, он быстро всё освоит, но пока я один мог стоять за штурвалом. Поэтому, когда левый борт баркаса, у которого висели старые автомобильные покрышки, коснулся пирса, я заглушил двигатель и побежал помогать деду. Тот уже перебрался на пирс и закончил швартовку судна. Мы вместе перебросили сходни. Обычно они у нас на корме находились. Димка за всем этим с интересом наблюдал, сидя на крыше рубки, держась одной рукой за небольшой прожектор, сделанный мной на основе судового фонаря, ещё один такой же был на корме, но этот был от ЗИСа и заметно слабее. Двух спаренных автогенераторов, подключённых к мотору, вполне хватало, чтобы питать бортовую сеть судна и прожектора. А два автомобильных аккумуля-

мулятора позволяли некоторое время всем пользоваться и при заглушённом двигателе.

Оставив Димку на охране, мы взяли бумаги и двинули к управлению порта. Всё, что надо для навигации – разное оснащение, флаг, топливо в бочках, включая карты, – мы получили ещё вчера. Сейчас проведём регистрацию и заберём баржу, которая стояла дальше у берега. Самая небольшая из трёх. Деревянная, борта чёрные от пропитанного дёгтя.

Надолго мы не задержались. Путевой лист, командировочные, они по-другому назывались, но мы их так назвали, ну и сухпай выдали. Вот этого не ожидал, приятно удивили. Выдали прямо в новеньком сидоре.

На борту всё было в порядке, Димка, похоже, с рубки так и не слезал, рассматривая порт в бинокль. Отшвартовавшись, мы направились к барже. Там почти час потратили, чтобы протянуть буксирный конец, снять её с места, маловато нас на такую работу, да и не опытные ещё. И когда наконец стронули не такую и тяжёлую, порожнюю баржу, пошли в сторону Горького. Наше путешествие началось.

Для деда, конечно, это тяжело, хотя он и бодрился. Поэтому я планировал его использовать в основном как рулевого, главное, внимательно смотреть по сторонам, а он на зрение не жаловался, и вести по фарватеру. Я и сам по сторонам глядеть буду. Со временем он научится чувствовать судно и с грузом на прицепе, получит нужный навык. Я специально сделал так, что у штурвала можно как стоять, так и сидеть:

тут полка откидывается, и получается мягкое кожаное сиденье. Ноги-то не казённые. Естественно, вблизи разных портов или в шлюзах всё управление на мне будет, но основной путь, по рекам, – его. Мы это ещё на стадии подготовки обговорили, чтобы тот знал основные свои обязанности. Номинально-то именно он числится капитаном, и даже сдавал на право управления подобными маломерными судами, а по факту всё на мне. Так что, когда Москва осталась позади, мы так по-тихому и потрохали на среднем экономичном ходу в сторону канала Москва – Волга.

Дед всё это время стоял рядом и внимательно слушал, что я говорю, наблюдая за моими действиями. Когда прошло встречное судно, небольшой экскурсионный пароходик с заваленной мешками палубой, я уступил ему место у штурвала. Показывал ориентиры на берегу, вехи, специальные знаки, бакены. Запомнить не сложно, дед действительно помнил, чему я его учил, и, когда я оставил его в рубке, опустил сиденье и, поглядывая через обзорные окна по сторонам, стал править. Димка тут же шмыгнул к нему, а я занялся делами. Проверил, как привязаны бочки на корме, это наше топливо на весь путь с возвращением. Потом достал швабру и отдраил палубу. После спустился в каюту отдохнуть.

Нам дали максимальный срок, чтобы добраться до Горького с неопытной командой, а других и не было. Десять дней, на мой взгляд, перебор, я рассчитывал на шесть-семь с учётом того, что с наступлением темноты мы будет подходить

к берегу и вставать на якорь со стояночными огнями – нам выдали две масляные сигнальные лампы и запас топлива для них. Должны успеть раньше крайнего срока.

Отдохнуть мне дали часа два. Мы уже шли по каналу, приближаясь к первому шлюзу, когда в каюту заскочил взъерошенный Димка – он у нас юнга на борту, на посылках сейчас – и воскликнул:

– Сашка, там самолёт! Деда говорит – немецкий.

Выскользнув следом за братишкой на палубу, я присмотрелся. Действительно, немецкий. Что он тут забыл?

– «Хейнкель». Бомбардировщик, – прикрываясь ладонью от бьющего в глаза солнца, определил я. – Странно, они по одному не летают, да ещё так низко. Километра полтора будет. Если, конечно, десант не сбрасывают. Одного-двух – легко. А этот возвращается.

– Может, от своих отстал? – выглянув из рубки, предположил дед.

Молча указав ему на встречный буксир, что тянул гружённую углём баржу, я проследил, как он повернул ближе к правому берегу. А то увлёкся и вышел в центр канала, не разминулись бы. Ничего, не опытный ещё, исправится. Для деда этот день был тяжёлым, ведь я его одного оставил, чтобы он учился работать самостоятельно и не звал меня по каждому пустяку. Получилось, два часа он спокойно вёл судно. Но по каналу это и не сложно.

Проследив взглядом за улетевшим бомбардировщиком,

который пытались догнать две пары наших истребителей, я посмотрел в сторону шлюза. Повезло, только что из него вышел буксир с баржой, и мы обменялись гудками, у меня автомобильный стоял. Теперь ожидали нас. В будущем проще: обзвонил шлюзы и сообщил, когда примерно будешь проходить, оплатив услугу через Интернет, а сейчас по-другому. Правда, и платить не нужно, знай проходи, все грузы и суда государственные.

При приближении к шлюзу я сменил деда. Мы медленно вошли в створ и стали ожидать с баграми, пока баржа по инерции нас не догонит. Скорость у неё была небольшая, так что тарана не было. Встали у стенки, зафиксировав и баржу, и буксир. Нам помог местный работник. После шлюзования, когда двинули дальше, дед пошёл отдыхать – укатали сивку крутые горки, я же встал за штурвал.

Обед прошёл в молчании, все устали – не такая и лёгкая жизнь у речного моряка, много мелких особенностей. К берегу до вечера не приставали, пройдя до конца канал и добравшись до Волги. А быстро, я думал, меньше пройдем. Вечером я решил пришвартоваться в небольшом городке, однако сотрудница местного порта сообщила, что пирс занимать нельзя, ожидают пароход, но указала удобное место для стоянки. Там мы и оставили баржу, закрепив её тремя канатами. А сами приткнулись к берегу, тоже натянув канаты, и легли спать, не выставя дозорных. У нас для этого людей не было. За баржу я не беспокоился. Стояла в небольшом

рукаве в стороне от фарватера, да ещё я сигнальную лампу навесил. Положено инструкцией.

Ночь прошла спокойно. Дед первым встал и, по сходням спустившись на берег, стал кашеварить. Когда он нас с Димкой разбудил, завтрак был готов. Хлеб, можно сказать, ещё свежий, домашний, так что с салцем и чаем всё пошло на ура. Снова взяв на буксир баржу, двинули дальше...

На седьмой день вдали показался Горький. Пришли бы раньше, если бы по неопытности дважды на мель не сядились. В первый раз легко сдёрнули баржу. А во второй – пришлось повозиться, почти четыре часа потратили. За время пути оружие не пригодилось. Даже на охоту я не ходил, хотя мы трижды на ночёвку вставали вдали от населённых мест, при этом дважды у леса. Наверняка тут славная охота, но не до того было, да и продовольствия хватало, свежая убоина пока не нужна. Да ещё Димка, воспользовавшись моими рыболовными снастями, умудрился на ходу рыбину вытащить в полтора килограмма. Конечно, вытаскивал её я, у него сил не хватило, но уха вышла замечательной.

За эту неделю моя команда втянулась, дед уже уверенно стоял за штурвалом, Димка научился драить палубу и все металлические части на судне. Специальная тряпочка была из бархата, чтобы всё блестело. Я за этим строго следил. При этом энтузиазма у него не убавилось. Всё нравилось.

В Горьком нас ждали. На катерке подошёл местный слу-

жащий и показал, куда подогнать баржу. От него только мы и узнали, что повезем железные чушки для завода в Москве. Каждая такая чушка – тонна весом, а везти нам их много. Лимит веса для баржи у нас был, его мы и выдали работнику порта. Тот выписал бумаги, поставил печать и оставил нас на загрузке. Работал один портовый кран и шесть грузчиков, трое из которых – женщины. С каждым грузом баржа садилась всё ниже и ниже, но загрузить должны ровно столько, сколько выписано, чтобы за пределы не вышло, иначе мы быстро посадим её на мель.

– Ещё часа три грузить будут, – прикинув, сообщил я команде. – Предлагаю по городу погулять. Я тут уже бывал, а вы впервые.

Димка согласился с охоткой, а вот дед решил подремать, раз выдалась такая минутка, заодно и судно постережёт. Так что, забрав братишку и обоих псов, которые тоже были рады поноситься по твёрдой земле, я направился гулять. Волк с Баламутом местность не узнавали, они же со мной тут зимой были, но бегали весело. Жаль, что всех щенков Белки отец забрал, раздарил знакомым в дивизии охотникам-любителям, уж они-то понимали ценность подобных подарков. Тот же командир дивизии был завзятым охотником, так что подарку обрадовался. Один кобелёк был подарен снайперу из Сибири, что служил во взводе отца.

А первым делом я заглянул в комендатуру. Там был новый комендант. Но один из командиров, присутствовавший тогда

во время празднования и небольшого импровизированного концерта, узнал меня, и мы с ним пообщались. Он рассказал, что немцы зимой серьёзно бомбили город. И сейчас нет-нет да устраивают налёты, хотя противовоздушная защита стала сильнее. Как зенитки, так и истребители встречают супостата, но те, бывает, прорываются. Налёты-то по ночам...

– Слышать-то заключительное выступление я слышал, – разливая чай у себя в кабинете, сказал старлей. Он оказался моим фанатом, если выразиться термином из будущего. Ну или поклонником, по-нынешнему.

Не пропустил ни одной передачи со мной, как и многие слушатели исходил злобой на чиновников, запрещающих такие замечательные песни, и сожалел, что их больше никогда не исполнят. – Песня о Фаберже понравилась, необычное такое исполнение, бодрящее. Только странно, зачем о себе такую историю рассказывать?

– Были причины. – Я отхлебнул из кружки. – Понимаешь, меня уже многие узнают, ну и общаются как... Да как со странным необычным ребёнком, с особенностями. В первое время забавляло, сейчас немного раздражает. Ну вот я и показал всем, что я такой же, как все, попадаю в глупые ситуации. Я – как все!

– А, ну тогда всё логично... Вы варенье попробуйте, земляничное, мама мне прислала в посылке.

– Вкусное, – подтвердил я, и мы продолжили общение. Старлей вместе с чаем и вареньем угостил нас разными

местными историями. Я ему в ответ тоже парочку рассказал. Одну такую: однажды лётчик-капитан, из выздоравливающих, собрал из раненых музыкальную группу, нашёл где-то инструменты, несколько сыгрывал их, чтобы звучало как надо, и прямо на Красной площади стал исполнять все эти запрещённые песни. И угодил в штрафбат за несанкционированное выступление. Причём зрители и зеваки были за него и долго не давали сотрудникам милиции задержать его.

Через некоторое время мы с Димкой заторопились обратно и, попрощавшись со старлеем, бегом рванули к порту, так и не посмотрев город. Добежали бы быстро и, наверное, зря отказались от машины, которую предлагал старлей, но тогда не было бы этой замечательной встречи.

– Сашка! – услышал я окрик за спиной.

Остановившись, я обернулся. Димка встал рядом, оба пса, успевшие убежать дальше, возвращались, заметив нашу незапланированную остановку. Из подворотни, мимо которой мы только что пробежали, выскользнул худой подвижный, как ртуть, паренёк лет четырнадцати, в штопаной одежде не по плечу, будто выходец из другого мира. Да он им и был. Димка его тоже узнал. Заулыбавшись во весь рот, воскликнул:

– Юрка, привет!

Это был Юра Лоскутов из нашей деревни. Соседи, можно сказать, через дом от нас жили. Вот так встреча! Да это не всё: следом за ним из подворотни выбежало ещё несколько

ребят и одна девочка. Муся, наша с Маринкой одноклассница и сестра Юры. Её звали Марусей, но все именовали Мусей. И она, в отличие от Юры, который степенно подошёл и пожал нам руки, подбежала и стала нас обнимать.

– Вы тут откуда? – быстро спросил я. – Ты извини, у нас судно отходит, график, так что давай быстро. Как вы тут оказались? Да и что это за ребята с вами?

– Уплываете? – сразу поскущел тот.

– Ну да, мы в команде буксира. Велели не задерживаться и сразу после загрузки отходить, – был мой ответ. Подошедший Волк прижался к моему бедру, и я потрепал его по холке. – Вы тоже от немцев уходили? Как тут оказались? Родители ваши где? Точнее, отец воюет, я в курсе. А мать?

– Убили мать, – хмуро ответил Юрка, а Муся со всхлипом втянула воздух. – Через неделю, как вы всем семейством уехали, прикатили на двух грузовиках какие-то ухари в немецкой форме. На разных языках говорили. Вроде из Литвы они. Нет нашей деревни больше, сожгли её. Как нашли у нас раненого лётчика, его на подворье деда Михея укрывали, который у вас дом купил, так и пустили красного петуха. Маму застрелили, когда мы через огород к лесу бежали. Когда они уехали, мы, кого смогли, похоронили, маму тоже. И за нашими пошли. Много что было. Вот ребят собрали, они тоже одни остались, я у них старший. Зимой очень тяжело было, ждём тепла не дождёмся.

– Понятно... – протянул я, рассматривая ватажку мало-

летних бродяг. По-другому их не назвать.

Всего было шестеро. Кроме Юры и Муси, двое парнишек примерно моих лет, очень схожих лицом. Они и оказались братьями, тринадцати и двенадцати лет. Ну и ещё двое мальчишек, по виду одиннадцать одному, очень на цыгана смахивал, второй лет восьми, блондинистый.

– Слушай, а какие у вас планы? – очнувшись от размышлений, поинтересовался я у Юры.

– Какие у нас планы могут быть: найти поесть досыта да поспать в тепле, – криво усмехнулся тот.

– А если я вам работу дам? Пойдёте ко мне на судно в команду? Как раз жалел, что не набрал подростков в Москве.

– Честно? – с недоверчивостью спросил Юра.

Раньше он таким не был, видимо, хорошо побила его жизнь за этот год.

– Честно-честно. Зарплаты большой не обещаю, но официально принять работником, выправив соответствующие бумаги, могу гарантировать сытную кормёжку и место поспать. Всё лето с нами проходите, а зимой... Есть у меня, где вас устроить, хорошо перезимуете.

– Идёмте с нами, – тоже встрял Димка.

– А возьмут? – усомнился Юра.

– Возьму, – непонятно улыбнувшись, ответил я.

– Вы как? – обернулся тот к остальным.

Выбор был недолог, отказавшихся не было. Всё своё у них было с собой, самое ценное, а то, что оставалось на сенова-

ле, где они жили с момента приезда в Горький, ценности не имело. Можно бросить. Так что мы бегом рванули в порт. Дед встретил нас с удивлением, по очереди обнял Мусю и Юру, потрепал по макушке остальных. Он был только «за» в прибавлении команды, сам уже намекал. Понимал, что путешествие сюда действительно было лёгкой прогулкой, а самое тяжёлое – впереди.

Время тянуть не стали, потому как до наступления темноты мы уже должны быть далеко. Так что, когда последний из парнишек, балансируя по сходням, перебрался на борт нашего баркаса, мы направились к барже, которую уже полчаса как загрузили. Все новички устроились на палубе и во все глаза смотрели за нашей работой. Как только толстый канат был закреплён и грузчики отдали концы у баржи, я добавил газу, но... мы так и остались стоять. Канат, вынырнув из воды, задрожал, разбрасывая капли, мотор ревел, под кормой пенился бурун, а мы стоим. И только через некоторое время стало заметно, что мы стронулись с места, двигаясь вдоль пирса и потихоньку отворачивая к выходу.

– Да-а, это не пустыми идти.

– Порожними, – поправил я деда, который, сбив фуражку на лоб, чесал затылок.

Когда мы покинули акваторию порта, я передал штурвал деду и прошёл на бак, где собрались все наши гости. Считать их командой пока рано, учить их ещё не переучить. Устроившись на бухте каната, я осмотрел всех и велел:

– Ну давайте рассказывайте. Я хочу знать, кого принял на борт своего судна.

С пополнением дела действительно пошли легче. Составив мнение по каждому, я расставил всех по постам. Муся, ставшая нашим коком, зашебаршила на камбузе, Димка ей показывал, где что. Все парни из-за недоедания худые как скелеты, нужно их откормить, благо есть чем. И теперь точно придётся приставать к берегу и ходить на охоту. Но я даже рад буду размяться, а уж лайки тем более, хотя псы уже начали привыкать к плаванию, не выли как первые дни. Юру я приставил исполнять обязанности боцмана. Тот чернявый, которого я принял за цыгана, а он потомком греков оказался, его Романом звали, буквально фанател от техники и получил должность механика. Оба брата, старший Игорь и младший Егор, стали матросами. А самого малого из этой банды, что вошла в мою команду, Олежека, я назначил вторым юнгой.

Через два дня прошли Кострому. Постепенно новички втягивались, запоминали морские термины, я их учил вязать узлы, с Романом работал в машинном отделении, дав ему потрёпанную книжицу по эксплуатации мотора, что у нас стоит. Велел вызубрить, чтобы от зубов отскакивало. Несколько книг по речному судовождению у меня было с собой, и вечерами на берегу их все изучали, я смог зажечь в них интерес.

Когда и Ярославль остался далеко позади, мы до темноты пристали к берегу, и я, прихватив лаек и обоих юнг, с вин-

товкой отправился на охоту. Вокруг стоял вековой лес. Сначала Волк выгнал под выстрел зайца, а потом я подстрелил двух фазанов. И вдруг Баламут стал подавать голос, причём лаял зло, заполошно, не как на дичь. Что именно тот обнаружил, выяснить удалось быстро. Я обратил внимание на деревья с поломанными верхушками, а потом мы обнаружили корпус рухнувшего на лес самолёта.

– Немец, – с ходу опознал я. – Бомбардировщик.

– Воняет, – сморщился Олежек.

Димка только кивнул, зажимая нос.

– Значит, кто-то из экипажа остался внутри. Ладно, стойте тут, я всё осмотрю.

Завязав на лице большой носовой платок, я пошёл к самолёту. Это был уже знакомый мне дальний бомбардировщик. О нём в газетах писали, вроде называется «Хейнкель-177», в этом году выпускать начали. Именно такой мы видели, когда покидали Москву. Внутри находилось два члена экипажа, они были убиты, когда наш истребитель дал очередь по кабине. Судя по зимним комбинезонам и по пометкам на карте штурмана, сбили их ещё в марте. Крикнув мальчикам, чтобы с Волком бежали в лагерь за дедом и чтобы тот прихватил ящик с инструментами, я занялся осмотром. Баламут крутился рядом и фыркал от вони.

Когда Волк привёл деда с парнями, я, не побрезговав, уже снял с пилотов всё самое ценное, даже парашюты из-под них выдернул. Хотя мутило ещё как! И прикидывал, как отсо-

единить радиостанцию. Та вроде была целой. Так что с прибывшей помощью работа закипела.

Мы сняли все три зенитных пулемёта, два крупнокалиберных и один под винтовочный патрон. Я не поленился и, раскопав сплюсненную носовую часть самолёта, извлёк одну автоматическую пушку. Вторая повреждена была. Но поделилась боеприпасом и запчастями. Чтобы добраться до неё, рубили топором фюзеляж. Отсек для бомб тоже осмотрели, пустой, где-то сбросить успели. Парни всё снятое на самодельных носилках утаскивали на берег, тут до него по прямой метров шестьсот было, а мы продолжили. Работали почти до двух часов ночи.

Утром вышли позже обычного, около девяти. А под вечер снова пораньше пристали, и мы с Юрой, прихватив пилу, ушли в лес. Нашли поваленное дерево и, распилив его на чурбаки, отнесли на баркас. Дед мой замысел понял правильно и, поплевав на руки, стал вырубать зенитную треногу для пулемёта, того, что имел винтовочный боеприпас. Более крупные во время стрельбы могут разнести её. Самodelка всё же. А мы с Юрой засели за чистку пулемёта, теперь он будет за него отвечать.

Рацию я поставил в рубку, отчего та стала ещё тесней, антенну натянул, хотя и кустарно, но в себе я был уверен. А наушник и микрофон использовал из лётного шлема. Правда, несмотря на хорошую чистку, они всё равно пахивали, так что я прикидывал, как их заменить...

И наконец Москва. На мель мы на обратном пути не сели, я помнил оба места, где мы сидели, и обошли их. Только единожды шёл дождь, весь вечер и часть ночи. Ох и побежали мы с авралом... Баржа не закрытая, с нулевой плавучестью. С помощью длинного электрического провода к бортовой сети баркаса подключили помпу, и та качала воду с баржи. Мотор баркаса всю ночь тарахтел. Да и вёдрами пришлось поработать. Мы тогда все с ног валились.

На подходе я связался с портом. Повезло, что смогли мой сигнал принять, всё же радиостанции на самолётах люфтваффе имеют другие диапазоны в работе. Пришлось голову поломать, чтобы выйти на волну, на которой работает рация порта. Своего позывного у меня не было, но нас опознали, так что я заранее получил номер причала, к которому следует подождать баржу.

Когда баржу пришвартовали, я отогнал баркас к свободному месту стоянки и, оставив Мусю и Димку, повёл деда с парнями в здание правления порта. Там я отчитался и описал ситуацию со своей новой командой. За восемь дней, что мы шли, ребята вполне освоились, и я решил их оформить официально. Начальник порта был не против, записал кого юнгами, кого простыми матросами и выдал каждому разрешение, а также матросские книжки. Насчёт них уже я попросил. Подросткам и детям их особо не дают. А тут и возраст внесли, и всё остальное. Ценю их за это.

Мы с дедом получили новый наряд, снова идём в Горь-

кий. В этот раз с загрузкой, хоть и не полной. И дед отправился с ребятами получать со складов всё необходимое, а мы с начальником порта пообщались тет-а-тет. Я описал свои находки, буквально окрылив его. Суда изредка подвергаются бомбёжкам, а вооружить все не могут, не хватает зенитных устройств, а тут от меня такая новость: четыре единицы хоть и трофейного вооружения. Один пулемёт я отжал себе, тот самый, винтовочного калибра, и получил официальную бумагу. Остальное нужно сдать. Документы немцев, оружие, их личные вещи и парашюты тоже. Вот уж чего не жаль, всё провоняло. Зато удалось договориться, что мне достанут нормальный немецкий шлемофон. Немцев частенько сбивали, и такие трофеи были.

Начальник порта вызвал зама по вооружению, введя его в курс дела относительно наших находок, и мы с ним отправились в порт. Тот принял всё по описи, а чуть позже подъехала полуторка и всё вывезла. А вечером, когда мы уже хотели отойти от причала, водитель начальника порта привёз мне новенький на вид, пахнувший выделанной кожей немецкий шлемофон. Те два я убрал, запасными будут, а пользовался теперь только им. И позывной получил – Ар-117. Портовый радист приходил, проверил настройки и остался доволен, моя ручная сборка его вполне удовлетворила, лишь антенну посоветовал чуть поправить, чтобы приём лучше был. Совет дельный, так что чуть позже сделаю, когда время будет.

Отойдя от причала, мы пошли вверх по реке к дому. Димка уже был там, дед отправил пёхом. Вахтенный рассказывал, что пацан рванул так, аж пятки сверкали. Он предупредил наших, так что на берегу нас уже все ждали. Когда мы ткнулись носом в песок, Игорь с братом спрыгнули с баркаса и привязали чалку ко вкопанному столбу. Второй канат натянули от кормы к другому швартовочному бревну. И после бурной встречи мы приняли баньку, а потом поужинали в беседке.

Но до отдыха дело ещё не дошло. Мы с дедом и Юрой, прихватив авиационный пулемёт, поехали на моём «кюбельвагене» в нашу мастерскую, нормальную треногу нужно сделать. За время нашего отсутствия на территории небольшого кустарного производства глушителей появилось новшество: строгий пожилой сторож с охотничьим ружьём. Из милиции настояли, а своих сотрудников для охраны выделить они не могли. Сторож нас поначалу не хотел пускать, что вызывало удивление – в собственный дом не пройти, но потом прихромал дядя Стёпа, и всё разрешилось. Пока дед общался с дядей Стёпой, я показал Юре дом. Жить с парнями зимой он будет в нём.

Оставив всех, уже потемну, я один поехал к армейским складам на окраине. Там время от времени появлялись машины из дивизии отца, через них отец нам подарки передавал, ну или мы ему. Вот и сейчас мне нужно было найти кого-нибудь из его дивизии: отправить батю сообщение. К сча-

стью, недавно прибыла целая колонна, так что старые знакомцы были. Дивизия отца в четырёхстах километрах стояла, а всё равно грузовики гоняли, не все грузы доходили по железке. А так надежнее.

Я описал в письме отцу наши приключения, кого встретил и в команду взял, находку в виде сбитого самолёта и основное, из-за чего мне была нужна срочная связь. Мне требовались авиационные пулемётные немецкие патроны для пулемёта. Пусть отец пошебуршит по закромам, вдруг найдёт. Об этой же проблеме я сказал знакомому интенданту и даже удивился, когда тот ответил, что с этим нужно к нему обращаться, а не к отцу. И да, ящики с такими патронами у них есть, целый грузовик захватили, так что пару ящиков мне выделит. Привезут со следующей колонной и забросят ко мне на подворье. Но я возразил: пулемёт на балансе порта теперь, номер записан, дед ответственный за него, патроны пересчитаны, так что пусть отправят ящики в порт в виде шефской помощи. Такой пулемёт всё равно только у меня, а начальника порта насчёт подобного подарка я предупрежу, и будут мне выдавать боезапас по описи, всё как полагается.

Я поехал по ночным улицам обратно. И застал деда и дядю Стёпу за кройкой брезента – чехол для пулемёта шили. А уже готовая тренога в стороне стояла. Сварки здесь у нас не было, все крепления на болтах. Когда успели? Но крепко, даже отверстия в «лапах» были и болты, чтобы к палубе прикрутить. Пулемёт был закреплён на треноге, и я попро-

бовал, как он крутится. Вполне неплохо. На баке поставим. На корме мешать будет.

Когда все работы были закончены, мы разбудили уснувшего в доме Юру и, загрузив всё, поехали домой. Разгружать машину не стали, так и загнали в гараж.

Рано утром, когда только светало, занялись делом, установили треногу, прикрутив болты к палубе. Пришлось под них отверстия сверлить, но встала она намертво. Закрепили на ней пулемёт, проверили. Обзор практически круговой, отлично. Потом накинули чехол и, оставив на борту на охране деда, на машине поехали на рынок. Ехал я, Юра и остальные ребята, мне для них одежду нужно купить, хватит в рваньё ходить. Тем более деньги были, отчисления неплохим потоком шли. Мусю брать не стали, места не было, да и оставалась она здесь, я Марине денег дал, они вместе сходят и всё, что нужно, купят, когда мы отбудем. А пока она своей одеждой поделилась, фигуры у них почти одинаковые были, подростковые. Хотя им уже по тринадцать, потихоньку превращались в девушек.

На рынке все получили тельняшки, где не по размеру – ушьют, нитки иголки тоже купили, фуражки, комбинезоны и ботинки. Взяли всем тёплых курток, чтобы ночью не замерзать, если на вахте стоять. Одежда – с ними проблемы были, не хватало. Каждому сидор для личных вещей, там полотенца, зубные щётки, Юре бритву, уже начал зарастать, пятна-

дцать вот-вот исполнится, в августе, помазок в тему будет. Мыло каждому. Столовые приборы – ложки, ножи, кружки и тарелки. Всех обеспечили, даже фляжек набрали. И с полными сидорами мы вернулись к машине.

Успели пообедать, когда пришло время возвращаться в порт. Теперь моя команда не смотрелась шаромыжниками – серьёзные деловые моряки речного флота.

– Ого, мы что, машины повезём? – прикрываясь ладонью от солнца, спросил Юра.

Он стоял слева от рубки, а я у входа и советами помогал деду маневрировать в акватории порта. Так что вокруг, а особенно на нашу баржу, я не смотрел. Сейчас же взял с полки бинокль.

– Точно, грузовики. Четыре. Тентованные. Новенькие. Странно, в Горьком же полуприцепы выпускают, ЗИСы там за чем?

Но с количеством машин я ошибся. Был ещё топливозаправщик с прицепленной цистермой на тонну. Мы подошли, взяли баржу на буксир и, отшвартовав её, покинули порт, двинув уже знакомым маршрутом.

Путь прошёл без проблем, немцев видели лишь раз в воздухе, да и то снова недалеко от Москвы, на большой высоте шестеро летели, надеюсь наши МиГи их перехватят. Так что пулёмёт остался зачехлён. В Горьком, как оказалось, наш маршрут не заканчивался. Там втиснули на баржу ещё две полуприцепы, одна явно с радиостанцией, и два мотоцикла с ко-

лясками, загрузили какие-то ящики с приборами, мне кажется, это геологов к чему-то готовят. Хотели ещё эмку впихнуть, но уже некуда было. Пополнили припасы и топливо.

К нам приставили для охраны двух бойцов, сержанта с красноармейцем с полными сидорами за спиной и скатками шинелей, оба были вооружены длинными винтовками. Устроились они на барже, в кузове одной из машин, и время от времени то один то другой прохаживались у борта. Общались мы с ними только по вечерам, когда к берегу приставали, они с нами ужинали.

Путь наш теперь шёл сначала к Казани. Там частично на баржу, частично на баркас погрузилось пятнадцать студентов-геологов – среди них было шесть девушек – с массой вещей, палатками и разным имуществом. Вот с ними было веселее.

А в Казани мы узнали, что нам надо идти в сторону Камы и дальше вверх по её руслу. И только сейчас я сообразил, что этих геологов направляют по одному из моих писем к одному из богатых нефтяных месторождений Татарстана, возле будущего города Лениногорска. Сейчас его пока нет, не отстроили нефтяники. Я даже несколько не сомневался, что неслучайно оказался в этом рейсе. Чую чью-то руку в этом деле.

Когда мы добрались до Набережных Челнов, пройдя мимо огромного элеватора, хорошо видного с реки, то причалили, где указал помощник начальника порта. Тут же при-

было начальство экспедиции встретить своих сотрудников и матчасть. При выгрузке мы лишь помогли девочкам спустить их узлы с вещами и чемоданы с книгами. Машины снимали с борта с помощью крана и отгоняли в сторону, где их проверяли местные водители.

Обратно порожними мы конечно же не пойдём, и сейчас нужно перегнать баржу к причалам у складов с мукой. Да, в этот раз мы повезём муку. Причём у нас с начальником порта возник спор. Через деда, ведь официально он был за старшего, я отказывался перевозить подобный груз без защиты. Да и обрешётки внизу не было, не хватало ещё намочить. Мы уже пару раз попадали под ливни. Пусть брезент выделяет. И ни о каком возврате речи не шло, начальник это понимал не хуже нас, поэтому и шёл торг. Брезент мы не получили, но плотную материю дали. Также по договорённости шестеро плотников должны сбить настил на барже. И завтра можно начать погрузку.

Вот такая работа у нас. А что, мне нравится. Всем нам нравится. За этот месяц с начала первого рейса я окреп, на свежем-то воздухе и хорошем питании, да и остальные тоже стали меньше уставать. То ли ещё будет!

Окрестности Ростова-на-Дону. Неизвестное место

Два с половиной месяца спустя.

Начало августа 1942 года

Застонав, я открыл глаза, находясь ещё на грани беспамятства. Но то, что глаза улавливали свет, я смог понять плавающим сознанием, значит, день. Чёрт, что же случилось, отчего мне так фигово? Да и где я?

Эта мысль всё же помогла мне прийти в себя, и, шире открыв глаза, я повёл ими туда-сюда. Судя по ощущениям, лежу на соломе в каком-то сарае. Видна висевшая конская упряжь на стене, сильно потёртая и явно не раз ремонтированная. Неструганные доски и стропила наверху. Несколько досок чернели пятнами гнили, похоже, крыша протекает. Ну и ещё много что по мелочи висело на стенах, включая сломанное тележное колесо. Вот железа, кос и остального не было, это я сразу отметил.

Я попробовал приподняться, но сразу закружилась голова, и я рухнул обратно в солому. Видимо, шорох соломы разбудил кого-то, кто лежал рядом.

– Командир? – услышал я сквозь шум в голове знакомый голос моего механика.

Ромка за эти два месяца стал неплохим специалистом. Из-за активной эксплуатации мы дважды полностью разбирали движок, проводя его обслуживание или меняя поршень, как это было в последний раз. И наш грек справлялся.

Тут снова послышалось шуршание, и я, осмотревшись, обнаружил всю нашу команду и деда, потирающего рядом

лысину. Оказалось, было раннее утро, и все просто спали.

– Мы что, в плену? – задал я вопрос: сарай и наш вид у меня как-то ассоциировался с попаданием в плен. Тем более я стал вспоминать, чем закончился вчерашний день.

За последние месяцы где мы только не были, даже разок с запасом продовольствия дошли до Онежского озера. Но уже третий раз подряд следовали по маршруту Москва – Ростов-на-Дону, доставляя войскам, что тут стояли, разные грузы. В основном ящики с автозапчастями, покрышки и всё такое для местных автобатов. И внезапно на берег высыпали немцы, открыв оружейно-пулемётный огонь, мы с Юркой не растерялись, сдёрнули чехол с пулемёта и открыли ответный огонь. Успели почти полностью выпустить одну ленту, как появившийся из-за кустарника немецкий танк, «четвёрочка», сделал выстрел. И всё, больше ничего не помню. Кажется, ленту я дострелять не успел. Но, что попал – это точно. С десятков немцев положили, те покатались по откосу к кромке вод Дона.

То, что мы не в плену, я уже и сам разобрался, створка дверей была незапертой, лишь прикрыта. Осмотревшись и услышав ответы, что мы не в плену, я хриплым голосом велел:

– Рассказывайте, а то я ничего не помню.

– Ещё бы, два дня в беспомощности был, – надев свою фуражку, пробормотал дед. – Контузило тебя.

Кроме меня и Юры, которого тоже контузило и слегка за-

цепило осколком, никто больше не пострадал. Так что мне наперебой стали раскрывать, что было в тот день. Плавание проходило как обычно, как вдруг появились немцы. Причём внезапно для всех, даже для наблюдателя за воздухом. Ни стрельбы вдаль, ничего такого, раз – и те на берегу. Да ещё танк ревёт за деревьями. Немцы с ходу палить начали. Егор, стоявший за штурвалом, увидев первую пулевую пробойну, сразу упал на доски. Это его и спасло, всю рубку изрешетили. Враги, наверное, увидели антенну и стреляли по возможному нахождению радиостанции. Так что не я основной целью был.

Один осколочный снаряд попал в борт на носу под пулемётом, и буксир камнем пошёл под воду. Все поплыли к противоположному берегу под прикрытием дрейфующей баржи, с которой охрана из трёх бойцов, успевшая обрезать канат, палила по немцам из винтовок. Её течением утащило дальше за поворот. Танк по ней тоже стрелял, но пустил на дно или нет, никто точно сказать не мог. Местность, где нас подловили, хоть и была холмистой, но леса не имела, разве что такой же кустарник, что до этого скрывал немцев. Когда меня вытащили на берег и помогли Юре, перевязав его, сделали импровизированные носилки из ветвей и по очереди, сменяясь, понесли моё бессознательное тело. Добравшись до небольшой рощи, забрались в уцелевший сарай рядом со сгоревшим домом и стали дожидаться, пока я очнусь.

Без еды, фактически без вещей, как потерпевшие кораб-

лекрушение, мы находились примерно в девяти километрах от того места, где выбрались на берег. И непонятно, что вокруг творится. Да, надо что-то делать.

– А погреб есть?

– Так дом сгорел, – пробормотал дед и хлопнул себя по лбу: – Вот я старый дурак! Олег, лезь наверх, наблюдать за местностью будешь. Я за Сашей присмотрю, а вы ищите и откапывайте погреб сгоревшего дома. Должно там что-то остаться. Юра, проследи.

– Разведчиков по окрестностям потом пошли, – слабым голосом посоветовал я.

Меня напоили из фляжки, единственной сохранившейся, и я снова вырубился...

Когда я очнулся в следующий раз, была ночь и, судя по барабаниющим каплям, снаружи шёл дождь. Дежурный Егор, заметив, что я пришёл в себя, напоил меня и дал поесть картофельного пюре, в котором отчётливо ощущался дымок костра. Понятно, картошку напекли и размяли её для меня. Чуть почувствовав сытость, я едва успел наклониться, как всё пошло обратно. Егор ловко подставил тазик – дед опытный, знает, что такое контузия, и успел всё подготовить и проинструктировать, чего ожидать от меня. Дальше не помню, опять провалился в беспамятство.

Очнувшись в третий раз, почувствовал, что стало полегче, и первое, что сразу бросилось в глаза, – висевшая у створки ворот на ремне винтовка Мосина. А рядом стоял при-

слонённый немецкий карабин «маузер». Похоже, произошли какие-то события, и они прошли мимо меня. Фигово. В этот раз размышлял я вполне здраво, ясности в мыслях больше. Хотя те и плавали. Лежу – ещё ничего, а как начну приподниматься, чтобы хотя бы сеть, и, как в прошлый раз, чувствую себя очень плохо. Сознание двоится, и мутит. Хорошо, зайкой не стал, как многие после контузий, насколько помню, общался вполне нормально.

В сарае никого не было. Я лежал обнажённым, видимо, пока находился в беспамятстве, ходил под себя, что при моём положении было в порядке вещей. Но подо мной свежая нарезанная трава. Слышать я также стал лучше, уже меньше звона в ушах, поэтому расслышал голоса снаружи. В это время внутрь сарая кто-то бросил тень, и, не слышно ступая, в сарай вошёл Волк. Оба пса так и сопровождали нас в рейсах, став за это время вполне неплохими мореходами. Все тяготы и невзгоды с нами терпели. К счастью, в этот раз они тоже уцелели. Баламут, наверное, где-то снаружи.

Волк подошёл и стал лизать мне лицо.

– Уйди, – слабо оттолкнул я его, и он лёг рядом, положив морду на лапы.

Так, стоит подумать, что делать дальше. Информации для размышления пока мало. Покидали баркас в спешке, так что на всех были тельники и брюки, жарко, и только на четверых была обувь. У деда сапоги, а у меня, Юры и у Олежки – ботинки. Егор, Игорь и Рома бегали босыми по палубе, так

в воде и оказались. (Димки сейчас с нами не было, в прошлом рейсе он неудачно упал, запнувшись, и сломал руку, так что загипсованный к своему большому горю остался дома.) Курток ни у кого не было, фуражки вроде трое сохранили. Моя, похоже, пропала. Ножи, даже если перочинные, у всех должны быть, у кого в ножнах на поясе, у кого по карманам. Ну вот и всё пожалуй. Ну и фляжка Игоря. Теперь появилась какая-то еда, видимо, из откопанного погреба, и вот эти две единицы оружия. Неизвестно, где мы, только точно, что нас расстреляли вблизи Ростова, километров двадцать не дошли. Где сейчас немцы и где наши, тоже не знаю, но немецкий карабин настораживает. Откуда его наши притащили? Или у нас гости?... Ладно, пора своих звать.

Мысли меня изрядно утомили, но проваливаться в сон я не спешил, нужно получить новости, ну и поесть, в конце концов, если есть что, я чувствовал приступы голода. Позвать я не успел, в сарай заглянул Ромка, так что все быстро собрались внутри. Окинув их взглядом, новичков я не обнаружил. Только Егора не было, наверное, наблюдает за окрестностями.

– Мне чуть лучше, – успокоил я всех. – Только есть хочется.

Как оказалось, с этим проблем не было. Меня напоили довольно сытным бульоном, это Егор добыл петуха на окраине села, сбив его камнем с плетня. Село находилось недалеко, в четырёх километрах. Поев, я насел на команду. Рассказывал

в основном дед, если где нужно, он давал голос разведчикам, чтобы рассказали, что видели они. Значит так, уже точно известно, что мы у немцев в тылу. Глубоко или нет, не ясно, но канонады уже второй день не слышно. С момента потопления баркаса шёл седьмой день. Моя одежда, постиранная, сушилась за головой, поэтому я её не видел. Егор и Олег, бегая к дороге, видели частые колонны немецких войск, танки, артиллерию, и немецкие самолёты постоянно в небе висят. Оружие нашли на месте боя. Никаких окопов или ячеек, похоже, просто схватка произошла на дороге, немцы и наши наткнулись друг на друга, и была стрельба. Видимо, пехота с обеих сторон была, битой техники там не имелось. Гильз много везде разбросано, а тел нет. Виденное мной оружие глазастые пацаны нашли в траве на обочине. У винтовки пустой магазин, затвор был в открытом положении, а в немецком карабине ещё три патрона. Больше боезапаса нет.

По поводу нашего убежища: когда мне его описали, оно как-то перестало мне нравиться. Не очень надёжное. Хотя сгоревший хутор стоял в стороне от дороги – судя по мелким воронкам, дом обстреляли с воздуха – и парни разводили костёр только ночью и в ямке, чтобы не выдать светом, но рано или поздно нас найдут. Место, конечно, глухое, но всё равно ненадёжное. Команда строила планы двинуть дальше, догонять своих, но я наложил на это вето. Не все дела наши тут завершены, и велел перенести стоянку, забрав с собой всё, что может пригодиться. В рощу уходить не нужно,

её первым делом прочешут. Самое идеальное – овраг, а их тут много, да ещё с кустарником. Вот там можно укрыться. И Олег сразу убежал искать подходящий. А все остальные стали готовиться перебираться. Под этот шорох и негромкие шепотки я и уснул.

Ещё пять дней я восстанавливался. Уже спокойно ходил, хотя бегать не пытался, тяжело, да и зарядку делал самую лёгкую, но небольшой путь выдержать мог. Всё это время мы жили в овраге, картошки пока хватало, да и соленья кое-какие были. Ребята шарились по окрестностям, искали, что может нам пригодиться. Были на берегу, видели полузатопленную баржу, её недалеко течением унесло. И вот радость, нашли выброшенную на берег мою фуражку. У дороги находили убитых. В основном наших, но было и два немца захороненных. Без оружия и поясов, нам неинтересны. А вот от наших принесли три винтовки, одна из которых ухоженная СВТ, да и патроны теперь были, шесть десятков, и даже одна граната РГД. Был ещё сидор с запасным бельём и немудрёным красноармейским имуществом.

Под вечер пятого дня прибежал взмыленный Олежка, он в наблюдении был чуть дальше, где отличный вид на окрестности.

– Какие-то странные немцы, в пятнистой форме, берег осматривают.

– Может, наши? – уточнил я.

– Пилоток нет.

– Дождались. Похоже, это ягдкоманда, специальное подразделение для зачистки тылов и ликвидации партизан. Нужно уходить, мы тут изрядно натоптали, а следопытов у них хватает. Идём через правый отворот оврага, по нему Юра с Егором возвращаться будут, перехватим их.

Так и вышло, встретились вскоре, где мы, увешанные оружием, вышли им навстречу. Немцы у сарая так и не появились – ребята со стороны приглядывали за ним, но не ворчали, даже когда позапрошлой ночью был дождь. Неподалёку на перекрёстке был пост фельджандармерии, однако они на пожарище не заглядывали. Меня они заинтересовали только насчёт трофеев и получения информации. Подумав, я посоветовался с Юрой и дедом, и мы двинули к посту. Мотоцикл, два автомата, карабин, два пистолета и пулемёт, установленный на коляске, нам всяко пригодятся. Как и карта местных дорог: я решил твёрдо пробираться в Ростов. Дело у меня там было. Пока не знаю, впустую или нет, но очень хотелось его выполнить. Также были надежды на продовольствие, картофельная диета нас уже достала.

Подобраться к жандармам вплотную будет сложно. Я это сразу определил, когда стал рассматривать их пост метров с шестисот. Двое работали, один в сторонке у мотоцикла и шалаша развёл костёр и повесил на самодельной треноге котелок. Котелок нам тоже не помешает.

– Всё, дорога пустая, вечер, немцы к ночёвке готовятся, –

сказал я, немного отползая назад. Сложно маскироваться, если у всех нас верх полосатый из-за тельняшек. Осмотрев команду, что устроилась на дне овражка, со склона которого я наблюдал за немцами, добавил: – По ночам они не ездят, что позволит нам взять пост.

– Тихо не получится, а село рядом, – сказал опытный дед.

– Учтено, деда, учтено. Я открою огонь из немецкого карабина, который у нас имеется. Немцы – опытные вояки, его звук знают и не беспокоятся, в отличие от звука наших винтовок. Расстояние большое, но я в себе уверен, не промахнусь. Юра, Игорь и Егор, готовитесь стартовать. Как только я выстрелю во второй раз, со всех ног бегите к посту. Третьим выстрелом я постараюсь ранить жандарма. Ваша задача – скрутить подранка. Нам нужен язык. Это будет старший поста, невысокий такой. Звания не разгляжу, но именно его приказы выполняют двое других. В плечо ему пулю отправлю. Патронов к карабину у нас по воле случая как раз три, но потом я вас с СВТ подстрахую. Всем всё ясно?

– А может, мы просто пойдём по дороге к ним, и, когда подойдём, ты начнёшь стрелять? – почесав щёку, предложил Юра. – Так у нас будет больше времени. Мы же подростки, они на нас не обратят внимания. А я сниму тельняшку.

– Чёрт, так просто, – покачал я головой, и почему мне это в голову не пришло? – Отличная идея. Готовьтесь и выходите. Верёвку только приготовьте вязать.

Мы разделились, парни ушли к дороге и, выбравшись на

неё, направились к посту, делая вид, что идут мимо. Как и ожидалось, те хоть и привлекли внимание немцев, но не заинтересовали: те не остановили их и даже не окликнули, устроившись у костра. Мы тоже двинули чуть ближе, сократив расстояние до поста на пятьдесят метров, и я выстрелил. Первая пуля вошла командиру в плечо. Двое других только вскакивали, как я выбил стреляную гильзу и произвёл второй выстрел. Высокий худой немец с закатанными рукавами френча упал, схватившись за грудь. Третий немец метнулся к мотоциклу, где стоял пулемёт. А нужно успеть до того, как он начнёт стрелять, из этой косилки он может меня достать. Матерясь, я выбил вторую гильзу и снова выстрелил. Пуля попала в голову. Даже с такого расстояния было видно кровавое облачко брызг. После третьего выстрела парни, подскочив, стали крутить старшего поста, тот уже шевелился, отходя от шока после ранения. А мы, подхватив вещи, побежали к посту.

Мы с дедом бежали в конце группы, мне дышалки не хватало, а у него возраст давал знать. Ромка приотстал, чтобы быть с нами, а Олежек вырвался вперёд и, добежав первым, почти сразу согнулся в приступе рвоты, увидев безголового немца. Егор отвёл его в сторону, успокаивая, он и сам был бледен. Командира, оказавшегося унтером, они всё же связали, обезоружив. Тот уже почти достал пистолет, когда они на него навалились, трое подростков, хоть и с трудом, но справились с раненым взрослым мужчиной.

Присев у мотоцикла, стараясь отдышаться, я открыл канистру в держателе на боку мотоцикла и учуял запах бензина. Топливо есть, это хорошо. Заметив на сиденье в коляске термос литров на пять, открыл его и обнаружил воду. Полтермоса было. После этого я стал командовать:

– Юра, Игорь, снимите с этого безголового всё ценное, обувь не забудьте, и за ноги оттащите его подальше. Второго также. Всё забирать – это значит всё. Документы тоже. Деда, тут в термосе вода, вот пилотка немецкая, протри мотоцикл, а то он весь в брызгах. Ром, что там с ужином?

Немцы уже сняли котелок с огня, достали миски и ложки, так что завалил я их вовремя.

– В котелке гороховый суп, готов. На скатерти свежий хлеб, сало нарезано, лук есть, чеснок и печенье... А вон и чайник стоит, только он холодный. Кажется, не успели вскипятить.

– Хорошо, собери посуду, марать её не будем, быстренько из котелка поедим и поедем на мотоцикле. Всё в него грузите. В багажный отсек и под ноги в коляску.

– А уместимся? – засомневался Юра, возвращаясь с напарником от перетаскивания первого тела, которое в траве спрятали.

– Уедем, – обнадёжил я.

Взяв планшет, снятый с унтера, я внимательно ознакомился с картой, особенно с метками, и подошёл к офицеру. Его за мотоцикл утащили, чтобы Олег от костра его не видел.

Пнув немца в плечо, отчего тот взвыл и попытался ударить ногами, я после недолгой предварительной работы – потыкал веточкой в рану, и немец быстро сломался – повёл допрос. Немецким языком я владел свободно, всю зиму учил и весну, да и летом почитывал немецкие книги, а в районе Ростова-на-Дону, где радиостанция доставала, слушал переговоры немцев. В основном люфтваффе. Первый же вопрос о реке и шлюзах расставил всё по местам.

Реку немцы контролировали плохо, а до первых шлюзов просто не дошли, слишком далеко, хотя и маханули за сто километров от нашего теперешнего местоположения. Заодно я развеял своё недоумение. Харьковской катастрофы теперь не было, была другая. Ну не умеют наши ещё готовиться к наступлению, соблюдая все режимы секретности. Немцы узнали о подготовке чуть ли не ранее советских войск, что должны были наступать, вот и ударили навстречу, когда наши утратили наступательный порыв, увязнув в плотной эшелонированной обороне. Они снова рвутся к Сталинграду. Но уже вдоль Дона. Кстати, до Волги не так и далеко им осталось.

Добить немца мне не дали: когда я, подняв лежавший в куче оружия ремень с подсумками, извлёк штык-нож к немецкому карабину, дед забрал его, отстранив меня, и сам прирезал немца. Спокойно и легко, как дома, бывало, животину резал. Юра с Игорем утащили его, и когда мы сели за стол, считая с него всё, что было, никого не озаботило то,

что неподалёку оплывают кровью тела трёх мужчин. Ложки так и стучали по котелку. Потом мы запихали всё возможное в мотоцикл, часть навесили на себя, я пистолет унтера забрал, подвесил на боку тяжёлую кобуру с парабеллумом, и этой группой полосатых пчёл покатили по дороге в сторону Ростова. Больше постов до города не будет, я это уточнил у языка, разве что на въезде. Но там комендантские стоят.

А устроились так. Олег на бензобаке передо мной, я за рулём, так как кроме меня им управлять больше никто не умел, за мной Ромка и дед. В коляске оба брата, и Юра на запасном колесе. Даже из пулемёта можно стрелять, Игорь к нему уже примеривался. Лайки бежали рядом.

На Юре был контроль тыла, и не успели мы проехать и километр, как он привлёк наше внимание. Остановив мотоцикл, который с перегрузом шёл тяжело, тем более на песчаное место дороги попали, и привстав на подножках, всмотрелся в трофейный бинокль. К уничтоженному посту выбежали те, пятнистые, о которых рассказывал Олег, и махали нам руками.

– Никак наши, – пробормотал я. – Хотя расцветка комбинезонов действительно незнакомая, но на голове лётные десантные шлемы. Оружие, правда, немецкое, автоматы, пулемёт и вроде снайперская винтовка. Семерых вижу... Так, рассредоточиться, занять позиции справа и слева на обочине, оружие к бою. Юра, давай к ним сбегай, узнай, кто такие, мы тебя прикроем. Я за пулемёт сяду. Сейчас развернусь.

Перехватив поудобнее автомат, Юра трусцой побежал обратно к уничтоженному посту. Остальные залегли по оборонам, дед приготовил винтовку Мосина, она дальнобойной была по сравнению с МП. А я, газанув, развернул тяжёлый «Цундап» и, заглушив движок, пересел в коляску, поведя стволом пулемёта. Вся семёрка бежала по дороге к нам, но видно их было всё хуже, наступала ночь. Ничего, у нас осветительные ракеты есть. Я достал ящик и передал подскочившему Олегу. Если что случится, запустят в небо. Это тоже трофеи с поста. Удобная штука, для ночи самое то.

Правда, они не понадобились. Глаза быстро адаптировались к темноте, а висевшая луна освещала округу. Было видно, как, достигнув неизвестных, Юра о чём-то с ними разговаривал, не долго, минуты две, после чего побежал обратно, а семёрка уже неторопливо последовала за ним. Волк встретил подбегавшего Юру и вернулся с ним, сопровождая.

– Это наши, из разведки, – подбегая, выдохнул тот. – Представляешь, они нас искали. Нашего «Адмирала». Уже знают, что его потопили недалеко, и начали осматривать берег. Хотели хоть что-то найти. Баржу уже видели, были на ней. Нашли только ящики с запчастями и тело одного бойца из охраны. Остальных не отыскали.

– Понятно... – со странной интонацией протянул я.

Откуда ветер дует, стало сразу ясно. Выбравшись из коляски, я встретил подходивших разведчиков.

– Ты даже не представляешь, парень, как мы тебя иска-

ли, – мельком осветив меня фонариком, опознав и представившись, сказал капитан Караулов, пожимая мне руку.

– У меня хорошая фантазия, так что могу представить.

– Представь тогда четырёх раненых, которых мы оставили в не самом надёжном укрытии, и два холмика могил. На немцев наткнулись.

– Плохо. Нужен транспорт, – задумался я.

– У нас приказ вывести вас, но рация погибла вместе с радистом. Похоже, придётся устроить марш-бросок к передовой и переползать её.

– Не вариант, у меня другие планы, – возразил я. – Если вы с нами, то нужен транспорт, – повторил я. – Есть у меня идея, как вернуться к нашим, причём не пешком, и вы мне точно пригодитесь.

– Слушай... Александр, извини, если резко скажу, но у меня приказ, и на твои планы мне плевать. Возьмём вас за шкуру и доставим куда нужно. Всё ясно?!

– Извините, товарищ капитан, а мне плевать на ваш приказ. Эти суки моего «Адмирала» на дно отправили. Я компенсацию собираюсь требовать.

Тут в стороне ругнулся дед, который, как и остальные, нас внимательно слушал.

– А я-то думаю, чего это он в Ростов собрался? Ему порт нужен. Решил какое-нибудь судно у немцев угнать. У них наверняка с Азовского моря основной поток грузов идёт, пока дороги и чугунку восстанавливают.

Я промолчал, так как хорошо знавший меня дед был на все сто прав, именно это я и собирался сделать. Правда, унтер насчёт Ростова меня просветить не смог: не был в нём и что творится в порту не знал. Поэтому я надеялся на пост на въезде в город. Комендачи всё знают. Если ничего интересного там нет, сваливаем к своим, пока бензина на мотоцикле хватает, а если есть... Попытка не пытка. Под покровом темноты вполне реально увести судно. Тем более немцы охотно используют трофеи Красного флота. Разберёмся.

– Да чушь, – возмутился Караулов. – Кому может прийти в голову такая авантюра? Скажи, Александр?... Чего молчишь?

– Дед меня хорошо знает, – вздохнув, повторил я свои мысли.

Этого хватило, и я выслушал от капитана много о себе нового. Хорошо завернул, я даже заслушался. Тем более Юра уже сообщил, почему мы тут задержались и каково было моё состояние после контузии, об этом тот тоже помянул, закончив, называя нас бандой рахитовой наглой матросни.

– Хватит орать! – жёстко сказал я, отчего капитан явно поперхнулся. – Вы или с нами или без. Если с нами, то слушаете, что нужно делать. Угнать из ближайшего села машину, забрать ваших раненых, бросить мы их не можем, и едем к посту у Ростова. Я вижу, у вас есть пистолеты с глушителями. Кстати, кажется, выделки нашей с дедом мастерской. Вы снимаете пост, оставив одного для допроса. Если подходящего судна нет, уезжаем в сторону передовой, если есть,

то по ситуации. Я сторонник импровизации, а тут без неё никак.

– Кхм, – прочистил горло один из бойцов, – тут недалеко в овраге брошенная полупторка стоит, с дороги столкнули. Мы её осмотрели, вроде целая, только бак пустой. Можно её использовать.

– Кто умеет управлять мотоциклом?

Выяснилось, что двое, вот одного я и решил отправить с водителем для полупторки к машине. Они же и раненых заберут.

– Ты чего раскомандовался?! – наконец возмутился потерявший дар речи капитан. – Это мои бойцы! А вы куда задёргались выполнять чужой приказ, да ещё мальчишки?!

– Да я взрослый уже, мне уже двадцать... через семь лет будет.

Этот немудрёный юмор разрядил обстановку, и капитан, подумав, махнул рукой, разрешив обоим бойцам уехать. Моя команда частично разгрузила мотоцикл. Вернуться те должны примерно через час.

– Ладно, рассказывай, что ты там задумал. Только в подробностях.

Мы сошли на обочину, наконец познакомились с остальными бойцами, что с нами остались, и, устроившись на траве, пообщались. Капитан и его зам в звании лейтенанта только кричали, когда мы закончили живописать наши приключения. Потом уже я выполнил просьбу командира, выложив

свой план. Поколебавшись, тот решил, что они с нами. Пройдёт афера с угоном или нет, ещё неизвестно, но двигаться по реке гораздо комфортнее, чем пешком. Да и раненых тогда есть шанс спасти, а сейчас его фактически не было. Тем более выяснилось, раненых охранял один легкораненый боец, так что их там пятеро было. Тут ещё я намекнул, что в порту нужно сделать большой бабах, чтобы не сразу сообразили, что там был угон, пусть думают, что судно затонуло, это даст нам время уйти как можно дальше. Подрывник в группе был, а порт полон военных грузов, так что тот обещал всё сделать.

– Ясно. Если что будет для угона, каковы наши действия? – спросил капитан.

– Я не диверсант, это вы проходили соответствующую подготовку. Так что это ваша задача провести нас в порт, и тела патрулей хорошо прятать, чтобы до утра не отыскали, зачистить нужное судно, а дальше уже наша работа, вы пассажирами станете. Главное, полная тишина, использовать только тихое оружие.

– Хм, хорошо, принимается.

Чтобы не тратить силы, мы прямо здесь и разлеглись отдыхать, перехватить часть ночи. Тем более я очень устал после этого суматошного вечера. Столько сил потратил! Вырубился моментально и проснулся только от знакомого рёва мотора, к нам подъезжала полуторка, за ней тархтел мотоцикл. Не знаю, почему тот сзади ехал, хотя логичнее возглавлять эту небольшую колонну для маскировки. Быстро

собравшись, мы загрузились в кузов машины, на мотоцикле поехали трое с замом командира группы, их задача взять пост. Там должно быть пол-отделения, шесть немцев со старшим. Язык обязателен. Обоих псов тоже закинули в кузов.

Двигались на максимально возможной скорости, чтобы не растряссти раненых, и ближе к полуночи были на месте. Как всё происходило, я не видел, наверное, немцев подкупило то, что мотоцикл был их, характерные подвывания мотоциклетного движка было трудно с чем спутать. Налицо пятьtrupов и шестой, старший, в звании обер-ефрейтора, в качестве языка. Лично допросив ефрейтора, мы с капитаном стали обсуждать, что будем делать, пока мои парни шуршали по посту, собирая трофеи. Это они восполняли потери в личных вещах, зато теперь каждый имел наручные часы, даже запасные были. Потом сняли станковый пулемёт и со станиной отволокли его в кузов. К нему – пара ящиков с патронами. Тут же стоял ещё один мотоцикл, лёгкий одиночка. Вероятно, посыльный. Вот на нём я поеду.

А судно мы будет брать, к заметному расстройству капитана, тот явно рассчитывал, что мы ничего не обнаружим. Но обер-ефрейтор как раз днём был на охране порта, так что знал, что было там к вечеру. Первое: средний морской буксир, притащивший десантную самоходную баржу типа «Зибель», у которой при десантной операции отказали движки, и она дрейфовала, вот и выслали буксир, дотянувший её до порта. Без десанта, его раньше сняли. Почему сюда, в Ростов,

не знаю, ефрейтор тоже был удивлён, но постараюсь узнать. Второе: в порту находился бронекатер – наш бывший советский большой речной бронированный катер проекта «1124», взятый немцами в качестве трофея. Ну и третье: в порту Ростова готовили во вспомогательные патрульные катера разные лоханки, вооружая их.

Караулов был за захват катера, мол, они смогут взять его на абордаж. Это хоть и внове им, но он был в себе уверен. Где тот стоит, мы теперь знали. Я сам у того пирса свой буксир ставил, так что ориентировался в порту лучше, чем капитан. Я же был за захват морского буксира. Долго спорить мы не стали, я просто предложил брать оба. Взять на буксир бронекатер и так утащить его, на что капитан дал добро. Мы обговорили захват, а парни в этом деле действительно заметно плавали. Например, обувь – она будет греметь по палубе, так что захват будут вести только босиком. Опасно повредить ноги о железки, но делать нечего, тишина – наше всё.

Все погрузились в машину, впереди неё отправили на мотоцикле троичку абордажников, я сел на одиночку, и такой малой колонной мы по ночному городу доехали до затемнённого порта. Тут царила жизнь, поэтому особо наше появление внимание не привлекло, и мы сразу поехали к тому месту, где был пришвартован бронекатер. Абордажники босиком, ликвидировав полусонного вахтенного, уже сосредоточились у люков, которые вели внутрь боевого катера.

Взять его удалось на удивление легко. Только и было ед-

ва слышно хлопки пистолетов с глушителями и сдавленный вскрик, затерявшиеся в шуме порта. Кроме вахтенного были четыре члена команды, спавшие внутри. Где остальные, непонятно, может, ночевали в городе, отдыхая после тяжёлого перехода. Другого объяснения у меня не было, языка мы не брали.

Обыскав катер, разведка на вёсельной лодке отправилась к буксиру, видневшемуся вдали тёмной массой. Он стоял на якоре и был чуть ли не в три раза больше моего «Адмирала». Если всё получится, это будет хороший размен. Наш подрывник в одиночку скрылся в ночи, направляясь к месту закладки заряда. У него было около двух килограммов тротила и детонатор с часовым механизмом. Я попросил два с половиной часа, и пусть взлетает на воздух склад с боеприпасами!

Мы своей командой остались у бронекатера, бегая между ним и машиной. Сперва во внутренний кубрик спустили раненых, уложив их на койки команды. Старались действовать осторожно, но не всегда получалось, тяжёлые парни. Стукали их телами о переборки или лестницы, но те – кремни, ни одного звука, понимали, что может быть, если нас обнаружат. Тот легкораненый сержант, Ефремов, приглядывал, чтобы нами не заинтересовались.

Когда машина была полностью разгружена, Ефремов заминировал её и мотоцикл, а вот лёгкий мы привязали на палубе у рубки, это мой трофей, оставляю себе. У поста, кроме меня, никто на него прав не предъявлял. Правда, на нос

теперь можно пройти только у правого борта, ну да ладно. Всё оружие и пулемёты спустили во внутренние отсеки, чтобы на палубе не мешали. Потом я помог Роме разобраться с двигателями, мы их запустили и, отойдя от пирса, направились к буксиру. Ха, никто так и не поднял тревогу, будто так и нужно! Я фигаю. Думал, на полном ходу с боем прорываться буду, а тут всем плевать. И где известный немецкий порядок? Не думаю, что наш отход не заметили, но причину всегда можно найти, например, срочный приказ, который не довели до местного начальства. Значит, есть у нас время, и это радует.

Сигнала не было, да и не обговаривали мы его. Будешь подавать фонариком – заметят, так что действовали на авось. Шума со стороны буксира я не услышал. Когда мы подошли, чтобы пришвартоваться к борту, я обнаружил, что рядом с буксиром покачивалась на мелких волнах Дона та сама самоходная баржа «зибель». Причём на ней, кроме четырёх зенитных автоматических мелкокалиберных пушек и одной «восемь – восемь» бортового вооружения, находились два танка. «Троечки», вроде новенькие. В ночи поди разбери. Видимо, в десантной операции использовать их не получилось, а сейчас просто стояли в очереди на выгрузку. У меня тут же засвербело утащить и её тоже, а этот буксир упрёт её легко. Вот только раздвоиться мы не могли, команды на три судна у нас не было, на два ещё наскрести можем, разведчики помогут, но для баржи уже нет.

Мы осторожно причалили, и нас уже встречали, сообщив, что буксир полностью взят и с другого борта двое разведчиков сбрасывают тела команды в воду. Кстати, надо и пятёрку немцев катера тоже в воду отправить, здесь уже можно. Как доложил зам Караулова, когда буксир был зачищен, разведчики, опасаясь обнаружения, перебрались на баржу и зачистили её тоже.

Сначала вахтенных, которые спали, потом семерых в жилом кубрике. Больше никого не было, видимо, тоже на берегу. У этого типа самоходных барж команда должна быть довольно большой. Эта баржа относилась к типу «Д». Её отличали от других типов значительные изменения в конструкции. Корпус корабля удлинён и расширен, что привело к увеличению грузоподъёмности до ста сорока тонн. Усилено вооружение, вместо открытого поста управления установлена бронированная надстройка, которая вместе с моторным отсеком была вынесена немного вперёд. Надстройка кроме рулевой имела ещё и радиорубку. Кроме того, на кораблях данного типа появились жилые помещения для экипажа в двадцать пять человек. Именно поэтому кроме десанта тут и находились две «троечки» с удлинёнными пушками, а не огрызками, что были у них ранее. А вот танкистов не было, наверное, с десантом сняли. Кстати, та «четвёрка» тоже имела не «окурок» пушки, а вполне нормальную длинноствольную. Немцы такие танки начали выпускать в этом году. Вот нам повезло натолкнуться на новинки, дважды встретили...

– Я знаю, о чём ты думаешь. Даже не мечтай, – подскочил ко мне Караулов, когда я задумчиво рассматривал тёмную массу баржи.

– Да, её я тоже хочу забрать, наши починят, и будет у них специализированное десантное судно, ведь то, что у них имеется, – смех один. И танки пригодятся.

– У нас команды на неё нет, – пытался привести последний довод капитан.

Но на меня уже напал азарт хомяка, так что я быстро нашёл решение:

– Пофигу. Накинем конец, и как этот буксир притащил её сюда, так и уволочет.

– А катер? Катер я не дам бросить.

– Буксир и его утянет, легко. Бросим конец на баржу, и так караваном потянет. Только нужно, чтобы хотя бы кто-то был в рубке за штурвалом, чтобы не мотало по ходу движения.

Дед и почти все парни из команды перебрались на буксир, осматривая его внутренние отсеки, Рома ушёл в машинное отделение смотреть, как запускать дизели, а мы с Юрой и Егором перегнали катер к корме баржи и, бросив конец, привязали его, заглушили двигатели. Мы с Юрой по канату перебрались на баржу, и Юра остался на ней рулевым, тут же было два разведчика на случай, если придётся открыть огонь. Егор будет рулевым на бронекатере, там ему будет помогать сержант Ефремов, на котором и присмотр за ранеными.

Я на подогнанной шлюпке вернулся на буксир, и мы почти час убили, пока освоили все его незнакомые системы. Потом, отправив лодку за подрывником, я задним ходом подвёл буксир к барже, и разведчики помогли протянуть и закрепить толстый канат. Сняв баржу с якоря, мы двинули к выходу из порта. А когда вошли в русло реки, оставляя город, позади начали взлетать осветительные ракеты, а потом как долбануло... Похоже, ефрейтор не соврал, описывая, где хранятся артиллерийские боеприпасы, которые подрывник и заминировал, так что немцам стало резко не до нас, и мы уходили всё дальше и дальше.

Шли на максимальном ходу, благо этот фарватер я успел хорошо изучить. Особого опыта ночного движения у меня не было, вот и наработывал его. Благополучно проскочили железнодорожный мост, охрана не беспокоилась. Встав у штурвала и поглядывая на едва заметные ориентиры, я весело насвистывал, и когда в ходовую рубку вошёл Караулов, звякнув автоматом, коим зацепился за створку, и разбудив спящего у входа Баламута, который сразу снова уснул, сказал ему:

– Ну что, и где тут сумасшедшая авантюра? Тихо пришли и почти тихо ушли. Взрыв я не считаю, это было прощальным подарком немцам... Кстати, через двенадцать километров, примерно там, где потопили нашего «Адмирала», имеется у берега рощица и густо разросся кустарник. Днём с воздуха нас быстро обнаружат и, несмотря на зенитки, разбом-

бят. Маскировка нужна, а вы, разведчики, в этом доки должны быть. Так что маскировка на вас, а мои парни помогут. На бронекатере есть тюк с масксетью, ею тоже можно воспользоваться. Готовь людей, на месте мы будем через час. И да, раненых с катера сюда перенесём, кубриков хватает.

– Хорошо. Сделаем.

Караулов вышел, задачу я ему поставил непростую, много работы для маскировки, особенно с баржой, так что нужно готовиться уже сейчас. Потрепав по шее Волка, сидящего рядом, я продолжил вести судно с буксируемыми боевыми кораблями.

Разбудил меня уже привычный плеск волн о борт. Хотя звук всё же был другой. «Адмирал» у меня чисто деревянным судном был, а этот полноценный буксир – железный, звонче волны бились. Да и иллюминатор капитанской каюты был приоткрыт. Слышно было не только волны, но и поскрипывание подошв прохаживающегося на корме часового. Потянувшись, я взял лежавшие на тумбочке у кровати – койкой её назвать не поворачивался язык – часы и посмотрел, сколько время. Заодно завёл. Три часа дня. Это я всем дал выспаться, так как закончили мы все дела только перед самым рассветом. Это я о маскировке и переселении раненых. Тогда, добравшись до берега, где было множество подходящей для маскировки зелени, и встав на якорь, я отправил на шлюпках людей на берег.

Двое разведчиков с помощниками, Ромой и Олегом, маскировали суда, превращая их в плавающие островки зелени. Другие парни перевезли на лодке раненых и сержанта Ефремова на борт буксира. Я также велел доставить и мотоцикл. Ну и всё оружие перевезли, хотя буксир был военный, и на нём была своя оружейная.

Когда всё было сделано, снялись с якоря и, порывая ди-зелями, двинули дальше. Где отстояться днём, я уже прикинул. Километрах в сорока от того места, где пустили на дно нашего «Адмирала», имелась старица, отличная для укрытия. Мы в ней однажды провели ночь вместе с баржой. Туда и «зибель» войдёт, и катер с буксиром. Тем более глубина там хорошая, нам подходит. А используя маскировку, можно сделать так, будто тут сплошной берег и нет никакой ка-верны.

Пару раз по пути мы замечали огни костров на берегу и силуэты техники. Наверняка в ночной тишине часовые нас засекли, так что если будут искать, а нас будут искать, то узнают, что мы тут проходили. Да и охрана на мосту подтвердит, что мы под ними проходили вверх по течению.

Подошли к укрытию мы уже перед рассветом и по очереди загнали суда в старое русло. Последним зашёл катер. Натянули между берегом и буксиром маску, наведя маскировку, выставили часовых и завалились спать. Вырубилась сразу, я так точно. Укатали сивку крутые горки. На пределе сил держался.

Побудка была назначена на четыре часа. Но раз я встал, то стал поднимать остальных: нечего спать, когда капитан уже на ногах. Судно заполнил шум просыпающихся людей. Один из разведчиков, засучив рукава, творил на камбузе буксира на всех завтрак. Из малых кто тащил на палубу всё постельное бельё из всех кают, начиналась грандиозная стирка, кто шваброй ширкал, убирая засохшие капли крови и наводя лоск, кто внутри орудовал мокрой тряпкой. В уборке нам помогали трое разведчиков. Мы же с дедом и Юрой обходили судно, проводя инвентаризацию всего имущества, ведя запись. Кстати, буксир хотя сам был явно немецкой постройки, но вооружён, что странно, советскими зенитками. На носу ДШК на зенитной треноге, за рубкой – ещё одна тренога, но усиленная, тут спаренная зенитная установка стояла, ДШКМ-2Б. Такая же, как на корме бронекатера. У обеих бронешитки имелись.

Если раньше туалетов у нас не было, свесился через борт при желании или ведром воспользовался, как обычно и делали, то тут было аж три галюна. Один капитанский, второй для офицеров и третий у матросского кубрика. Даже душевые были. Опять так же: у капитана, офицерский и общий матросский. Изучили машинное отделение и все остальные. Так как вчера в большинстве все, где нашли, там и разлеглись, то сейчас я лично занимался расселением. Сам я в капитанской каюте уже жил, там мои немногочисленные вещи сложены, безошибочно её нашёл ночью. Лучшая и про-

сторная. Деда заселил в каюту старшего помощника, а то он в другой ночевал. Найдя каюту боцмана, велел Юре в ней устраиваться. Рому в одной из офицерских устроил, судя по книгам, тут и жил старший механик. А остальных в матросский кубрик к разведчикам определил. Лишь капитану и его заму временно выдал разрешение поселиться в две оставшиеся каюты. Умеют немцы о своих согражданах думать при проектировании и постройке, большая часть кают одноместные, а не двух- или даже трёхместные, как у нас. Удобно.

Неприятность была – почти сухие баки буксира. Об этом мы и раньше знали, датчик показывал на панели управления в рубке, да и Рома подтвердил, сделал замеры. Как и на барже, буксир имел дизельные движки, два огромных двигателя, а баки на барже почти полные, Рома успел убедиться, так что можно перекачать, поэтому неприятность проблемой не стала. Бензонасос имелся, как и заправочные шланги. Я дал Юре и Роме распоряжение начать заправку, выделив им двух помощников, самых крепких из разведчиков.

Я объявил новым хозяевам кают, что им принадлежит всё, что имеется из личных вещей прошлой команды. В моей каюте на стене висела такая классная морская фуражка!.. Себе на память вместе с формой оставлю. Команда ведь спала, полуголых за борт сбрасывали, так что форма нам досталась целой.

Трофеев хватало. Во время следующей днёвки часть нужно будет перенести на буксир. По-любому бронекатер и бар-

жу мы сдадим, передав советскому флоту, по-другому и быть не может, а вот буксир я планировал... да что планировал – стеной встану, но оставляю себе. Ну или пусть равнозначную замену выдают, на крайний случай. По ситуации посмотрим. А мелких трофеев, что можно прибрать в личную собственность, нужно набрать побольше. В эту мелочь я и мотоцикл включил, который, принайтовленный и укрытый брезентом, стоял на корме буксира.

На барже, кроме ящиков с боеприпасами, было много снарядов для танков, я даже забирался внутрь обоих. Имелось продовольствие, медикаменты, бензин в бочках, ну и всё, что могло пригодиться десанту и что они не забрали с собой при эвакуации с дрейфующей в открытом море десантной баржи. Хороший улов, зря тогда капитан сердился. Да сейчас он это и сам признаёт.

Когда стемнело, мы продолжили заниматься делами, но уже только внутри буксира, закрыв иллюминаторы брезентом, чтобы не было ни отсвета наружу, часовой за этим очень пристально следил. И с наступлением ночи мы никуда не пошли, из-за чего у нас с капитаном произошёл разговор.

– Объяснений? – задумчиво потёр я подбородок, откладывая вилку.

Мы сидели в кают-компании и ужинали макаронами по-флотски. Кок из разведчика, пулемётчика группы старшины Васильева вышел просто замечательный.

– Да, я хотел бы понять такой странный приказ: оставаться

на месте, – подтвердил Караулов, отставляя кружку с крепким чаем.

Он уже поел и пил чай, когда я с частью команды пришёл ужинать. Дежурный по кухне звенел посудой, моя её после предыдущих едоков. Особо нам никто не мешал, хотя я видел, что некоторые прислушиваются. Снова взяв вилку и прожёвывая очередную порцию макарон, я обдумал ответ. Караулов ждал.

– Скажите, товарищ капитан, что сделают немцы, узнав о нашей афере, как вы её называете?

– Перекроют реку и расставят артиллерийские засады.

– Именно так. Думаю, перечень угнанного они имеют и знают, что у нас даже пушки есть. Значит, если они реку и не перегородили, то артиллерийские засады точно имеются. Да и разведчик, что жужжал на «шторьхе» над рекой, летая туда-сюда, тоже нас искал. Причём он пролетел утром, а вернулся вечером, видимо, где-то дозаправлялся. Это значит, ищут нас дальше по реке. Но никак не здесь. Любой речной капитан, зная возможности этого буксира, хотя бы примерные, и массу буксируемых судов, подсчитает, где мы можем быть. А это за сотни километров дальше, примерно, где находится передовая. Мы там должны были быть, если бы не задержались с маскировкой. Да и не пытался я за ночь такое расстояние пройти, не дали бы нам. Глупо всё потерять при первоначальном успехе, тут уже голову нужно включать и думать. Наши немцев не могут удержать и всё дальше от-

катываются, так что мы в глубоком тылу. Слушали ведь рацию, что фронт снова откатился на шестьдесят километров? То-то.

– Но они поймут, что мы просто не успели перебраться через передовую, и будут искать нас здесь.

– Так оно так, да не так. Радист у вас погиб...

– Ранен.

– Сами же говорили, что с радиостанцией погиб?

– Будем считать, что я оговорился. Но я сам радист, и если нужно зашифровать послание, а рации есть на всех трёх судах, то я готов. Не зря же ты спрашивал меня насчёт шифровальщика. Они ведь добьют до наших?

– Они и до Москвы добьют при желании, – слегка приукрасил я. – До наших точно докричаться можно. Думаю, вы поняли, почему я велел готовить катер к выходу. Нас тут ещё не ищут, метнёмся к окраинам Ростова, это позволит нам замаскировать выход нашей радиостанции в эфир, и вы одним пакетом передадите своим моё послание. Я его чуть позже напишу. Постараюсь покороче.

– Что в нём будет?

– Вы должны опознаться, сообщить, что задание выполнено, и попросить выпустить в газетах и по радио ложное сообщение, что ваш отряд совместно с моей командой в глубоком немецком тылу провели диверсию в порту города Ростова-на-Дону, угнав три корабля, два из которых военные, и уже пересекли передовую, двигаясь по глубокому тылу на-

ших территорий в Москву. Эта информация не то что бы ложная, скорее, поданая заранее, так как я все три судна по-стараясь по мере сил провести к нашим.

– О-го-го! – хохотнул тот. – Немцы перестанут нас искать и ослабят контроль, что позволит нам ночью проскользнуть мимо их позиций и уйти на нашу сторону. Хитро-о... Да и вполне может сработать. Это всё?

– Да, это всё. Правда, я подумывал попросить выслать самолёт с моряками для бронекатера, но решил не рисковать. Нас могут раскусить. Пусть пара-тройка ваших ребят сейчас пойдёт спать, завтра днём я хочу, чтобы они последили за ближайшими дорогами. Пусть высматривают небольшие группы с военнопленными. Нам люди нужны. Если есть возможность уничтожить охрану, пусть это делают. Брать только добровольцев, никого насильно не тащить. Но вблизи нашей стоянки не шуметь, пусть подальше пробегутся. Не меньше чем километров на двадцать. И если пленных освободят, возвращаются не напрямую, а кругами. Да не мне вам говорить, сами всё знаете.

– Пятерых пошлю, с замом. Справятся. А идея хорошая, может и выйти что с пополнением, пока мы тут стоим. Когда к Ростову уходим?

– Поедим, если вы мне дадите доестъ, и выходим.

Опять хохотнув, капитан допил чай и ушёл отдавать приказы, чтобы подготовить группу к завтрашнему дню. Наша трофейная техника замаскирована хорошо, за день несколь-

ко раз разведчики усиливали маскировку, вон, самолёт над рекой пролетал, и пилот ничего не заметил. Ещё бы, у нас на палубах баржи и буксира деревья росли. Мы куски брезента вроде бочек использовали, корни внутри, и поливали землю в них. Говорю же – отличная маскировка.

После ужина я забрал всю свою команду и капитана и отплыл в сторону Ростова-на-Дону. Пора выполнить план по дезинформации командования поисковых групп. Как немецкие генералы узнают, что мы ускользнули – а такие мысли у них должны возникать, мы по скорости движения вполне могли уйти на свою территорию, – то свернут поиски, что позволит нам по-тихому уйти к своим. Хороший план. Пусть авиацию высылают нас искать в тылу, наши истребители прорежут таких воздушных поисковиков. А пока катер на полном ходу спускался по Дону. Река была пустой, да и за световой день мимо никто не проходил, так что пока нас не обнаружили, и надеюсь, так и будет.

Сбегали мы, как ни странно, благополучно. Практически на окраине Ростова, в паре километров от моста, прижались к берегу, не привлекая со стороны внимания, а выглядели мы большим кустом, с разросшимися несколькими деревьями, правда ворчащего дизелями, но надеюсь, это никого не смутило. Капитан, устроившись в радиорубке, весь маршрут составлял донесение и шифровал то, что я ему написал. Сама передача заняла минут пятнадцать. Не позволительно долго,

но ничего не поделаешь. С той стороны приняли пакет шифровки и подтвердили получение, указав время ответного сообщения. Мы же, развернувшись, неторопливо двинули обратно. На малом ходу двигатели практически не слышно было, маскировка – наше всё. Да и шли мы недалеко от берега, чтобы, если что, прижаться к нему.

Вернувшись, поставили катер на место и, проверив маскировку, завалились спать. Побудку я назначил своим в двенадцать дня. Изучение буксира и баржи ещё не закончено, и нужно серьёзно ими заниматься. Буксир нам был ещё плохо знаком. Имя я ему не давал, мало ли, отберут, обидно будет, а сам он имел только номер.

* * *

Ночь прошла благополучно. Когда вахтенный поднял всех, меня тоже разбудили, не сам поднялся, то доложил, что никого за утро не видели. Пятеро разведчиков ушли ещё за светло. На ближайшем холме сидит наблюдатель с биноклем. Сейчас на посту был наш легкораненый сержант Ефремов. Завтрак старшина приготовил, он и сухпай выдал ушедшим, да ещё усиленный: если действительно удастся освободить пленных, пригодится. Немцы наших военнопленных особо не балуют разносолами, да и кормят – раз на раз не приходится.

После завтрака мы продолжили работы на обоих судах.

Раненые были подняты на палубу, пусть подышат свежим воздухом, а не спёртым душным в матросском кубрике. Все иллюминаторы да даже блестящие металлические части на всех трёх кораблях были замазаны грязью (какой позор для капитана) или прикрыты. С немецким лётчиком это сработало, ничего на солнце металлического не блеснуло. Сегодня самолёта не было. Или в другом месте ищут, или уже передали по радио всё, что я просил. Кстати, у буксира была неплохо оснащённая радиорубка, и Москву она ловила, доставала, так что сводки мы слушали, и задача вахтенного как раз время от времени, когда сообщают новости, слушать эфир, а он ничего не сообщал о таких новостях.

Опросив вахтенного, это был Егор, дал ему наряд вместе с подзатыльником и отправил отрабатывать к Юре. Тот, оказалось, уснул на вахте и проспал всё. Ладно хоть проснулся вовремя, смена наблюдателей разбудила, и поднял нас. Юра на такое дело свирепый, как это на вахте – и уснуть, так что Егор бегал взмыленный, наряд отрабатывал. До сводок ещё рано, они в определённое время выходили, кроме срочных естественно, так что мы с дедом продолжили ознакомление с буксиром, изучая его конструкцию, и с каждым часом тот нам становился если не роднее, то понятнее. Теперь будем знать, что и как делать в разных ситуациях.

Новости слушали все вместе, я включил на минимуме громкую связь. Есть, было повторение сообщения о захвате с абордажем трёх вражеских военных кораблей кriegсмарине

и то, что их по рекам гонят к Москве, скоро все желающие смогут изучить их у набережной столицы. Можно будет подняться на палубу. Хорошо сработали, я даже не ожидал.

Мы пообедали и продолжили работы. Частично они были перенесены на баржу и катер, буксир мы наконец почти освоили. Опыт работы на нём придёт со временем.

Когда наблюдатель поднял тревогу, мы с Ромой вылезли на крик из моторного отсека «зибеля». Поломка оказалась куда серьёзнее, чем казалось на первый взгляд, то-то команда на месте не смогла починить. Нужны были запчасти. Надеюсь, наши смогут отремонтировать и вернуть десантную баржу в строй. Дежурным по судну у нас был деда, он дремал у рубки, но отреагировал быстро, выслушал наблюдателя, и тот стал перебираться к нам на баржу, борт которой был заметно выше борта баркаса у кормы, а я поспешил ему навстречу. Да и Караулов, потирая заспанное лицо, вышел на палубу.

– Что там, разведка с пополнением возвращается? – спросил я.

– Нет, наблюдатель засёк три мотоцикла, восемь немцев. Далеко пока, в трёх километрах. Там малоезженная полевая дорога, скорее даже тропа, по ней едут.

– Разведка на нас навела? – повернулся я к капитану.

– Вряд ли, – очнувшись от задумчивости, покачал тот головой. – Я с парнями давно знаком и знаю их хорошо. Такого промаха они не допустят, в плен не сдадутся. Да и немцев

мало для нашего захвата. Больше на патруль похоже.

– Логично, – согласился я, тоже обдумав ситуацию и то, что сказал капитан. – Если патруль, придётся отпустить: если они пропадут, где примерно нас искать, немцам будет ясно.

– Нас?

– Ну, не нас, тех, кто их патруль побил. Не-е, нам такого не нужно, пусть уезжают.

Капитан, прихватив старшину, оба вооружились МГ, ушёл к холму, решил подстраховать стоянку со стороны, мало ли что. Однако немцев рощица у берега не заинтересовала, они же не знали, что это водоплавающая роща. Так и укатили дальше, поглядывая по сторонам. Капитан с напарником, это был наш кок, вернулся только минут через сорок после того, как те скрылись вдаль. Но контроль за округой мы усилили, как было видно, немцы тут всё же появляются.

Старшину мы старались особо не трогать. Помимо обязанностей кока, на нём были раненые. В качестве помощника ему придавался кто-то из моей команды. Сейчас это был Олег. Он сидел недовольный на камбузе и чистил картошку.

Под вечер я дал команде часовой отдых. И тут наблюдатель снова поднял тревогу. Прихватив СВТ, а за последние дни с сытной кормёжкой я чувствовал изрядный прилив сил, в сопровождении Олега я побежал на холм. Остальные стали проверять бортовое вооружение буксира, оба пулемёта. Юра их быстро освоил и сформировал расчёты. Вот на ка-тер перебрался капитан и наш кок. Они залезли в башню от

Т-28, что находилась на баке. Если что, поддержат артиллерийским огнём. Кормовую башню задействовать не получится, борт баржи мешал.

Добежав до небольшого окопчика, где и устроился Ефремов, я упал на землю и подполз к нему с винтовкой в одной руке и биноклем в другой. Что он приметил, сразу рассмотрел.

– Летуны, похоже, сбитые. Наши. С бомбардировщика. Трое.

– С «пешки»?

– Может, и из дальней, неполный экипаж. Не все собрались. Помните, всю ночь гудели моторами в небе? Наверняка эти «ночники».

– Да, согласен. У них тут одна цель – Ростов, порт и аэродром, что находится рядом с ним... Так, Олег, давай к ним, приведёшь сюда, к холму. О нас не распространяйся. И ве-ди их той низиной, а то что-то спокойно идут, по сторонам смотрят, но особо не беспокоятся.

– Может, нас засекли и подводят так к нам своих агентов? – одной рукой открутив крышку фляги и сделав глоток, прищурился сержант. – Я такие истории слышал.

– Я тоже, – пробормотал я. – Пойду встречу их в низине у склона холма. Подстрахуй, если что.

Когда капитан днём ползал тут с пулемётом, он один оставил наблюдателю, старшина помог организовать неплохую позицию, так что сержанту есть чем нас прикрыть – станко-

вым пулемётом и лентой на двести пятьдесят патронов.

Подхватив винтовку, я скатился с противоположного склона и, оббежав холм, вышел к низине. А вот и Олег с летунами. Заметив меня, он показал гостям в мою сторону. Сейчас и пообщаемся. Пополнение нам нужно, это точно.

– Ого, старые знакомцы, – ухмыляясь, пробормотал я.

– О, Сашка, а ты что тут делаешь? – сразу опознал меня невысокий плотный лейтенант в лётном комбинезоне и шлемофоне и, не дожидаясь моего ответа, отвернулся к своим спутникам и ткнул в меня пальцем: – Поляков. А вы не верили, что мы с ним знакомы.

– Лёха, не культурно тыкать пальцем в человека. Где только тебя учили?

– Чё?

– Чё – по-китайски жопа. Учи русский язык.

Олег хихикнул, он больше всего попадал на эту мою фразу из всей команды, так что даже он успел отвыкнуть произносить это вопросительное восклицание.

– Ну, ты несколько не изменился, – хмыкнул лейтенант и, посмотрев на лаек, сопровождавших меня, снова хмыкнул: – И псы те же.

В прошлом году осенью он из Горького на своём транспортнике подкинул меня до Сталинграда. Дальше я уже на другом самолёте летел. Именно с ним я при посадке насчёт собак спорил: брать не хотел.

– А ты чего, в бомбардировщики подался? – поинтересо-

вался я, подходя и здороваясь с ним, после чего поручковался и с остальными. – Экипаж, я смотрю, новый.

– Не-е, так же в транспортной. Задание ночью выполнили. Делали круг, чтобы затруднить поиск места выброски десанта, и нас сшибли. Откуда истребители взялись, до сих пор понять не можем. Один заход, правый двигатель горит, и рулевые тяги перебиты. Помнишь борттехника моего?

– Это усатый, что ли? Невысокий такой? С маузером в кобуре?

– Да, он хвастался, что его сам Котовский ему подарил, когда тот в его дивизии служил. Так он первым выбросился, мы чуть позже. Затерялись в темноте.

– Понятно. Будем посматривать по сторонам, может, приметим, как вас. А по поводу встречи с немцами я, кажется, догадываюсь, в чём дело. Ночью налёт наших на Ростов, похоже, был. Немецкие истребители-«ночники» их искали, а наткнулись на вас.

– Вполне может быть, – сбив шлемофон на затылок, задумчиво потёр лоб и подбородок лейтенант. – Да, тогда всё сходится. А мы уж думали, где сгруппили, выхлопом патрубков себя выдали или какой пост наблюдения пролетали... Сам-то что тут делаешь? То, что ты в речники подался, я в курсе, по радио слышал, но тут же немецкий тыл?

– Есть такое. Присядем.

Мы сели на траву, где я стал живописать наши приключения. Не все, конечно, мало ли, но основное выдал, как и то,

что мы три корабля у немцев угнали.

— Вот ведь, — хлопнул себя по ляжкам штурман, младший лейтенант Леонов. — Мы же ночью перед вылетом по радио об этом слышали. Столько шума вы наделали... Но ведь говорили, что суда уже к Москве идут?

— Ложный слух пустили по нашей просьбе, чтобы немцы нас тут не искали, а они искали.

— Понятно. Значит, они где-то здесь? — уточнил лейтенант.

— Не так и далеко. Идём, покормим вас, а то ведь наверняка голодные. Со вчерашнего дня не ели?

— Да, есть такое дело.

Собравшись, мы в обход холма прошли к нашей стоянке. Качество маскировки изумило летунов, они такого раньше не видели. Только вблизи можно было понять, что это не кустарник такой густой, а замаскированное судно. Летунов я разместил в матросском кубрике. Караулов с ними общался, оказалось, они были хорошо знакомы, именно Лёха со своим экипажем и высаживал разведчиков дней десять назад для наших поисков. Узнав, что штурман — радист-любитель, он утащил его в радиоузел. Запчастей для немецких радиостанций хватало, а капитан сохранил их переносную радиостанцию. Вот они со штурманом и пытались что-то сделать, раненый радист только советом мог помочь. Вряд ли получится, по моему мнению. Если только с катера взять запчасти, там советская радиостанция стояла. Немцы с катером особых работ не проводили, лишь перекрасили да флаг свой повесили.

А коробка пробитой пулями радиостанции была раскидана по деталям, и два любителя занимались ремонтом. Чуть позже капитан ушёл сменить Ефремова на посту на всю ночь. Больше смены не было, а он за день успел выспаться. Летунов пока на посты не ставили, не то чтобы не доверяли... Да, не доверяли.

Но пополнение я без дела не оставил. Стрелков в случае налёта у нас фактически не было, так что я расставил их по боевым постам. Расчёты из моей команды для двух зениток на буксире имелись. Алексея я поставил исполняющим обязанности командира бронекатера. Когда мы двинем в путь, кто-то из его людей или он сам встанет к штурвалу. Трёх пока мало, но это были крепкие молодые парни, справятся.

* * *

Проснулись мы ближе к рассвету. Команда по распорядку занималась делами на всех трёх трофеях. Дед сидел у борта с удочкой, рыбу ловил, снасти мы на борту баркаса при инвентаризации боцманского имущества обнаружили. Червей он на берегу накопал и сейчас млел от рыбалки после хорошего завтрака.

Не успели стрелки часов добежать до девяти утра, как пришёл сигнал от Ефремова, который сменил капитана. Штурман вернулся к ремонту радиостанции, Лёха со своим стрелком занимались катером, изучали его, голова стрелка

торчала из люка кормовой орудийной башни. Судя по тому, как тот яростно тёр макушку, снова приложился о брону башни катера. Все занимались делами. Так что, подняв тревогу, моя команда тут же встала к пулемётам, держа на прицеле степь, а я побежал к посту. К сожалению, видимость была небольшой. Летуны, побегав, тоже встали к пулемётам. Я же, подхватив винтовку, с Олежкой побежал к посту.

Поднявшись к сержанту, я невольно присвистнул, увидев, что наблюдателя взбудоражило. Достав из чехла оптику, я стал рассматривать колонну военнопленных, которых гнали два десятка немцев по той дороге, где мы видели мотоциклистов.

– Не наши, – рассматривая конвойных, пробормотал я.

Смысл в моих словах был. Зиновьеву, заму капитана Караулова, я велел, если они освободят пленных, переодеться в конвойных и гнать их в нашу сторону. В этом случае можно спокойно идти днём, нагло, они не привлекут внимания. Один из разведчиков отлично знал немецкий, оденет форму унтера, если что, отбрешется. Так что мы ждали такую колонну под охраной наших бойцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.